Владимир ТИХОМИРОВ

СЕКТОР ГАЗА

«ХОЙ!»

ЭПИТАФИЯ РОК-РАЗДОЛБАЮ

(c) www.Klinskih.Da.Ru

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

История жизни и творчества Юрия «Хоя» Клинских и группы.

- Владимир Тихомиров
  - РОДИТЕЛИ: НИКОЛАЙ МИТРОФАНОВИЧ И МАРИЯ КУЗЬМИНИЧНА
  - ГАЛИНА КЛИНСКИХ
  - АЛЕКСАНДР «УХВАТ» КОЧЕРГА, ОСНОВАТЕЛЬ ВОРОНЕЖСКОГО РОК-КЛУБА.
  - ИГОРЬ КУЩЕВ
  - СЕРГЕЙ КУЗНЕЦОВ, ДИРЕКТОР ОТДЕЛА АРТИСТОВ И РЕПЕРТУАРА КОМПАНИИ "GALA RECORDS"
  - СЕРГЕЙ САВИН
  - АНДРЕЙ ДЕЛЬЦОВ
  - АЛЕКСЕЙ УШАКОВ
  - ТАТЬЯНА ФАТЕЕВА
  - СЕРГЕЙ ТУПИКИН.
  - АЛЕКСАНДР ЯКУШЕВ
  - ИГОРЬ ЖИРНОВ
  - ДМИТРИЙ САМБОРСКИЙ, ХУДОЖНИК-ДИЗАЙНЕР ВСЕХ АЛЬБОМОВ "СЕКТОРА ГАЗА"
  - ИГОРЬ АНИКЕЕВ, "КОТ"
  - ВАДИМ ГЛУХОВ
  - КОНСТАНТИН ЛЯХОВ
  - ОЛЬГА САМАРИНА

Владимир Тихомиров
"Хой!" Эпитафия рок-раздолбаю

РОДИТЕЛИ: НИКОЛАЙ МИТРОФАНОВИЧ И МАРИЯ КУЗЬМИНИЧНА

В квартире Клинских на самом видном месте — фотографии Юры. Юра в песочнице, Юра идет в школу, Юра — в выпускном классе… И ни одной фотографии Хоя. Юрий никогда не был «рок-звездой» для своих родителей. Обычный непутевый мальчишка, которого нужно беречь, охранять, направлять. И вечно переживать… Юра так и остался вместе с ними, и когда в четырех стенах становится до жути одиноко, родители, никого не стесняясь, беседуют с сыном. Который смотрит с пожелтевших карточек добрыми доверчивыми глазами…

С мужем мы познакомились в цехе. Я работала клепальщицей — самолеты клепала, а он — мастером. Я тогда жила с мужем, не очень хорошо жили, неважно. Он выпивал много, запоями пил… А Коля только с армии пришел, год проработал контролером, потом мастером — рядышком со мной. Так мы и познакомились, короче.

Она меня соблазнила, охомутала. А че? Неправда, что ли? Женщина она была видная, интересная…

Мне было 28 лет, все же не такая урода…

Я с армии пришел, служил в степях Казахстана оператором ракетной станции слежения. Первый год " в Ленинабаде. А потом перевели на озеро Балхаш, где целый ракетный полигон. Ну, да это неважно… Вместе работали на заводе, квартиру строили два года, а потом и Юра на свет появился…

Мальчиком он был неиспорченным. Добрый был. очень честный. Тяжело ему было жить. Характер у него такой был — нагрубить не мог, постоять за себя… Первое слово, что он сказал — мама. Еще вспоминаю, как он пел… года четыре ему было. Мы с дедом спим еще, а он вокруг нас бегает и поет: "Синий — синий иней лег на провода…" Били его часто. Я ему каждое утро давала 20–30 копеек в школу на завтрак. И его пацаны старшие всегда останавливали и деньги отбирали. И так он эту несправедливость терпеть не мог… Он от этого и стал такие песни сочинять, от несправедливости. Вот у него часто про мат спрашивали. А он отвечал — в автобусе мат стоит. В троллейбусе — мат. Везде мат… Он честный был, никого не старался охаять, а кто не знал его, считали Юру уркой каким-то. А ведь он совсем другой. Он дома и слова не мог сказать матом. Не любитель он ругаться.

Он ссориться не любил. Многие его не понимали.

Нормальным ребенком рос, незадиристым. Мало на улице занимался. Лет до 6 до 8 еще на улице играл, с ребятами бегал, а потом — как отрезало. И стал чем-то своим заниматься. И все что-то пишет, пишет… Но и читать любил. Приду с работы, а он книжки читает и что-то все переписывает. Я ему говорю: Юра, пошел бы на улицу погулял, а он — "Да ну, все это неинтересно…" И фильмы смотрел. Кино любил, индийские фильмы особенно. Вот, помню, лет 10 ему было… Ходили мы с ним в кинотеатр «Старт», ему одному скучно было в кино ходить. А ребята не ездили туда. Вот мы с ним и пошли. Смотрим фильм индийский какой-то, я уж сейчас названия и не помню… Ну. мне скучно, я Юре и говорю — мол, я отойду, у входа покурю. А потом его спрашиваю: сколько ж ты раз его видел? А он: да раз восемь…

Восемь! А он все смотрел как в первый раз. Еще он мистику всякую любил. Когда повзрослел, стал смотреть фильмы ужасов, у него этих видеокассет было штук 1000. Но, при этом, темноты боялся. Еще когда маленьким был, он боялся оставаться один в темной квартире. Помню, идем домой с работы, а время — осень, темнеет рано, смотрим — дома свет во всех комнатах горит. Спрашиваем Юрку — мол, ты чего свет-то везде включил. А он не признается — мол просто так включил, случайно. И спал всегда при свете.

А потом его братья старшие — Толя и Леня, они ему сводные братья, музыкой увлекли. Юра словно без ума от музыки был. Слушал Высоцкого, «Машину Времени», Макаревич ему очень нравился. Вся комнатушка была улеплена, все фотографиями артистов заклеил.

А учился так себе. По ночам он не спал. А днем засыпал на ходу. Вот поэтому и учиться ему было очень тяжело. И в армии ему тяжко было, он ведь не привык рано утром вставать. Мы с ним ругались по этому поводу, ругались, а все бесполезно. Такой уж он человек.

Учился он слабо. Я его подтягивал по литературе, по географии. Помню, игра у нас такая была — карту на полу расстелим, и я ему вопросы задавал — а ну, покажи мне такой полуостров. И он на спор показывал. Книжки со стихами ему покупал. И говорил: Юра. если ты будешь писать, то помни — слово не воробей. Выскочит и не поймаешь. Смотри, чтоб в стихах твоих никакой бяки не было. Если непонятно — спрашивай у меня. Вот я давно листок у него нашел. Мы в 9 классе его в деревню — в Ильич отправили. Это поселок такой — имени Ильича, а все зовут просто — Ильич. Нужно ехать по ростовской трассе. Проезжаешь Рогачевку, Каширу — а дальше — Ильич. Там

его бабка Феодосья Аркадьевна и дед Кузьма Савельевич жили. Сейчас уж померли. А так Юра там каждое лето жил. Так вот, в 9 классе он начал писать стихи гекзаметром в подражание Гомеру. Слушай: "Вышла из мрака младая пурпурная Эос. Отрок же Юрий Клинских продолжал спать в объятьях Морфея. Дева, скажи, ты богиня иль дочь человека…" Потом он про бабку: "Встала она и сварила мне щей ароматных. Щи те подобны нектару, которым питалися боги…" Как складно, аж удивительно! Я эти слова на всю жизнь запомнил. И на работу мужикам носил, показывал.

Тянул за уши я его до 6 класса. А потом не выдержал — Юра, учись сам. Получай двойки-тройки. А вот когда он уже 8 классов закончил, ко мне подходит их классная руководительница — Кочергина Раиса Ивановна, она у них в 8 «Б» классе была в 30-й средней школе. Так вот, после родительского собрания она мне и говорит: Николай Митрофанович, вы как смотрите, что б Юра пошел в ПТУ? Там и учиться легче, и стипендию платят. А в институт он все равно не поступит. Я говорю — нет, Вера Ивановна.

И настоял на том, что бы его оставили в школе. Я ж знаю, что такое ПТУ. Там совсем другая обстановка: шайки, шпана, пьянки… Потом он школу закончил, а на другой день после выпускного уехал в Ильич. Там и сидел год, пока его в армию не взяли…

Там в деревне он с Галей, с женой своей, и познакомился. Хотя, нет, у него сначала другая была — сейчас уж и не помню, как ее звали. А потом — перед самой армией — он с Галей закрутил. Мы ему тогда мотоцикл купили — «Восход». Так что он у нас крутым парнем был…

Служил он на Дальнем Востоке. В танковой части. Водителем. Писал он письма нам кратко: мол, служу, жив. здоров, все как всегда. И просил выслать печенья там, конфет. Вот. кстати, комичный момент: в школе по русскому языку у него в школе «тройка» была. А письма писал грамотно — ни одной ошибки. И только однажды в письме из армии написал «пичинье». И я ему вместе с печеньем ответ послал — ты, Юра, следи за письмом, что б там не было ни одной ошибки. И только потом мы узнали, что в армии его били азербайджанцы. А нам с матерью он не говорил, что его бьют. Мы это только потом случайно узнали, когда он демобилизовался. Как дело было: он с армии пришел, и к нам в гости двоюродный брат зашел. Ну, они сели, выпили. Потом пошли на улицу, а бабка их провожать пошла. Юрка к одному мужику подошел и спрашивает: «Ты азик?» Тот говорит — да. "Ух, сука!" — и как саданул ему по физиономии! Бабка кинулась разнимать, а Юрка кричит: "Как вы меня, суки поганые, били в

армии!"

А как только он вернулся из армии, мы ему подарок сделали — магнитофон и гитару. У него же увлечение музыкой через магнитофон пошло. У старших-то братьев был магнитофон старый — они его по дешевке где-то купили. Вот, они вместе крутили новые там ансамбли — "Машину времени", заграничных ансамблей много было. Ну, а Юрик слушал — слушал, и у него музыка сама как бы пошла — слушает магнитофон и что-то там напевает. А когда он пошел в армию, мы ему пообещали, что купим магнитофон. Сразу, как только демобилизуется. И еще когда он служил, мы ему магнитофон купили и гитару. Болгарскую электрогитару с усилителем. Гитара по тем деньгам стоила 90 рублей. А обыкновенная гитара — 17 рублей. А чего деньги жалеть? Он нам писал из армии: "Я здесь уже бренчу, три аккорда выучил…". И магнитофон купили — за 110 рублей. «Электронику». Он у него долго был. А потом-то он уже сам себе подороже покупал.

Ну, а как он с армии пришел, то опять к Гале побежал. Она Юрика чем взяла? Тем, что ждала 2 года и дождалась. Письма ему писала, все о любви говорила… Он как-то был от нее зависим. Почему? Он, дескать, с ней познакомился, и она его два года ждала — ну, пока он в армии был. И он уже был от нее зависим. И как он приехал в Воронеж…

Я тогда в кафе работала официанткой, свадьбы обслуживала. Вот я ему и говорю: сынок, вот бы ты музыкантом был. барабанщиком, например. И работа нормальная, и сыт всегда будешь, а он послушал — послушал и стал играть свою рок-музыку. У них там организовался рок-клуб.

Он и в милицию-то пошел, потому что романтики захотелось…

Когда Юрик пришел с армии, мы ему полную свободу предоставили. Денег у нас хватало, хоть мы и не шиковали, ничего особо такого не покупали, но на еду хватало. И вот он мне говорит: "Батя, я в милицию пойду служить". Я говорю — Юр, куда хочешь, туда и иди. Я, как отец, никак на него не давил в выборе профессии. Сам я и бригадиром настройщиков

Был, и мастером, и контролером, и конструктором. И я всегда говорил — мол, сынок, твоя жизнь, ты и решай сам. Правда, потом, когда он уже известным стал, я пробовал с ним поговорить, что рок-музыка — это временное, что нужно о будущем думать. А он мне: "А куда я пойду? В бизнесе я не могу. В этих делах нужна сноровка, наглость, а я не могу. Я не рожден бизнесменом". Я спрашиваю — а чем же ты будешь заниматься лет в сорок? А он — не знаю, вот доживу лет до сорока, а там

видно будет. Поживем — увидим. Мне, — говорил Юрка, — на хлеб и на соль всегда хватит. А больше мне и не надо.

Ну так вот. Он сразу подал заявление, навели о нем справки, всех соседей опросили, как положено… И приняли его в этом же 1984 году. Служил он гаишником, то в центре города на посту стоял, то у нас тут, на Левом берегу. А спустя несколько месяцев его чуть не выгнали. Он Шабашку — нашего губернатора Шабанова, он тогда, правда, председателем этой, как его…, областной думы был, остановил. Он на красный свет ехал. Так этот гад. Шабашка, сам же и виноват, но поехал в ГАИ и нажаловался на Юру! И потребовал его увольнения! Мол, я начальник, мне все можно, любому милиционеру рот заткну! Человек он бессовестный. Хам, одно слово. И Юру к начальству вызвали на ковер. А Юрик и говорит: "А мне все равно кто это. Он, Шабанов этот. ехал на своей «Волге» на красный свет. Я его остановил за нарушение правил на перекрестке Ильича и Ленинского проспекта, когда он создал аварийную ситуацию…" А ему — ты должен знать, кого можно останавливать, а кого — нет… Юра говорит, что он Шабашку ни в лицо не знает, ни номеров автомобиля. А ему — ты должен знать! А кто их ему говорил?! А все равно — должен знать. И вот. после этого Юре выговор влепили и во вневедомственную охрану перевели. Я вообще так считаю, что ему в милиции после этого случая делать нечего было. Он несправедливости терпеть не мог. Не мог подхалимничать. Как все есть, так он и скажет. Вот поэтому жизнь у него такая тяжелая была.

Его даже в вытрезвитель как-то раз забрали. А дело так было: он, вернувшись со службы, переоделся и пошел с ребятами посидеть. Ну, взяли водочки, закуски и пошли в парк у завода. Выпили, посидели. А тут наряд милиции подъехал. И менты одного друга из их компании решили в трезвяк забрать. А Юра вступился — мол, ребята, подождите, мы ж не сделали ничего! А менты и Юрика в машину посадили. Он им говорит: да вы что. Я же свой, точно так же в милиции служу! А эти сволочи его в ответ избили… И в камеру на всю ночь заперли.

И как он хотел от этой милиции избавиться! На службу ходил, как на каторгу, все заявления об уходе писал. Но у него контракт на три года был. А как ему увольнение дали, он пришел с милиции и как стал с себя форму сдирать! Топтал ее ногами, рвал, швырял! Вот только его рубашки милицейские остались — я их донашиваю… Хотел и их пожечь — ему там. Менты эти, показали — кто ты такой есть и как себя надо там вести, а ему не по характеру это все было. И он не знал, как все это выразить, поэтому и песни такие писал.

Конечно, были и смешные эпизоды. Вот, помню, когда он во вневедомственной охране служил, они с напарником магазин в Сомово охраняли. И вот, представь, девица там какая-то ночью сошла с поезда и попросила милиционеров проводить ее до поселка. Ну. отказаться неудобно, и выбор пал на Юрика. И он пошел, значит, провожать ее через лес. А потом мне рассказывает: "Ну, проводил ее, все нормально. А оттуда иду. Когда с девкой шел, страшно не было. А один иду — просто жуть берет, ночь, темнотища, хоть глаз выколи… И как что-то зашуршало в кустах! Я как пистолет выхватил, как пи…данул!.." Выстрелил, то бишь. Я говорю — Юрка, а вдруг бы в человека попал?! А он — а не фига по кустам шуршать! И что интересно — как он шарахнул по кустам, так тишина сразу и настала. Потом еле-еле отчитался за патрон использованный. Или еще случай — он, когда еще в школе учился, пистолет себе сделал поджигной. Ну, знаешь, поджигаешь спичку, подносишь к дулу. а пистолет стреляет. Зачем ему пистолет? А что бы домой ночью через пруд ходить. Луна светит, а при луне знаешь как идти неприятно… Кругом темень, тут-то вроде светло, а в кустах — тьма непроглядная… Ну, я Юрика спрашиваю — а как же пистолет тебя спасет-то? Ведь пока ж ты его зажжешь, тебя уже ведьма сто раз утащит. А он — все равно, так лучше!

… А потом, когда он свои первые альбомы выпустил, слава пошла, но эта слава голову ему не скрутила. Не испортила его. Вот помню, как пошли группы выступать — как бы это "Сектор газа". Поддельные, понял? Юрика все слушали, но его же никто в лицо не знал. И вот, как-то Юрик приехал с Москвы и мне по пьянке рассказал об одном эпизоде. Мы, говорит пошли как-то на концерт. Вот пришли, расселись. Он подвыпивший был, это не секрет, конечно, он любил выпить. И вот, объявляют — выступает группа "Сектор Газа"… А я. говорит Юрик, сижу в зале. И выходит этот — Фидель. Юрик его знал, он у них типа администратором был когда-то…

Я говорит Юрик, вскочил и побежал на сцену. Вырвал у них микрофон и хотел сказать, что, мол, они — мошенники… Это ж я — "Сектор Газа"! А они ему — а мы тебя не знаем! И стали бить! Как били! Минут десять! Пинками!.. Все отбили… Я. говорит, упал, закрыл руками голову, чтоб не убили. Как они его били! Все почки, все отбили… Этот Фидель, собака, мне б до него добраться, я б его голыми руками задушил!.. Юрик потом три недели лежал в больнице… Они ему все отбили! Суки! Он когда рассказал мне… И вот. как мне кажется — вот причина его смерти.

…А так — да. мы с ним любили выпить. Приходит ко мне и

говорит: "Пап, ну ты доволен мной — как я пробился?" Ну, мы возьмем бутылочку. а одна у него с собой всегда была — что бы не бегать лишний раз. Ну, сядем. он кассету со своими песнями в магнитофон воткнет, а сам смотрит — нравится мне или нет… Ну, как сказать? Музыка мне во многих песнях не нравится, он на гитаре слабенько играл, никакого профессионализма не было. А вот слова! Слова мне очень нравятся. Вот, например, мне песня его нравится про День рождения: "В этот день родили меня на свет, В этот день я с иголочки одет. В этот день теплом вашим я согрет. Мне сегодня тридцать лет…" Или: "Я имею право сегодня пить, Я имею право сегодня жить, Я имею право сегодня про все забыть. Да чего там говорить!.." Я ему иногда говорил: "Юр. вот ты Лермонтова читал?" А он: "Да не читал я твоего Лермонтова. Все тебе этот Лермонтов!" А мне действительно Лермонтов нравится и я Юрика буквально заставлял Лермонтова читать! Вот все говорят, что Пушкин — гений. Я с этим согласен, но вот в стихосложении я считаю Лермонтова лучшим, он мне больше нравится. Вот "Повести Белкина" читаешь — все они какие-то легонькие, а вот "Герой нашего времени" — она и сейчас как настольная книга. Но он хоть меня и подкалывал с Лермонтовым, но я, похоже, научил его думать над каждым словом. Он, Юрик, и писал похоже на Лермонтова. Вот. послушай: "Ты подруга выходика на крыльцо. Ты не слушай ругань матерную матери с отцом…" Как перебор гитарный! Он меня просто убивал этими словами. И сколько я его не расспрашивал, так и не смог понять эту технологию — как он стихи свои писал… До сих пор не понимаю. Как музыкант, он, конечно, слабоват.

А вот песни писал — да!

А потом у него пошли неприятности с этими бабами. Запутался он в них. А они его все окручивали, жизнь ему всю испортили! Это такие женщины! Сегодня процентов 70 — нехорошие женщины. А хороших-то трудно найти… Ох, как трудно ему было.

Юра-то женился в 21 год — рано, конечно. Вот, недавно он мне сказал: "Мама, рано ты меня женила…" А я ж ведь хотела как лучше. Он же ночами пропадал у Гали в общежитии, а мы его ждем. переживаем. Вот я ему и сказала — сынок, да ты бы женился что ли… Все меньше по ночам шляться будешь, дома будешь, в семье, а мы меньше волноваться будем. Он взял и расписался в два счета. Вот ведь люди хорошую вещь придумали — гражданский брак. Да поживите пока так. не расписываясь. Посмотрите друг

на друга, посмотри, как она готовит, как встречает… Ну. да все мы крепки задним умом.

Да, он нам все завидовал, что мы с бабкой хорошо живем. Говорил: "Вот. идут два моих старичка под ручку". А они ругались часто… Вот, Юра любил есть горячее — борщ. Он даже часто сам готовил, а она готовки терпеть не может… Приедет Юра вечером с концерта, а она ему — есть нечего! Да приготовь ты заранее!.. Нет, у нее этого не было. Мы вместе жили. Так у них был свой холодильник, а у нас — свой. Мать же видит, что сын голодный: "Юра. сынок, да давай я тебя накормлю, у меня борщ есть…" Он иногда ел, а иногда отказывался — ему стыдно было, понимаешь… Отнекивался: мам, не хочу. Да как же ты не хочешь, когда ты прибыл в час ночи, и, не ничего евши лег спать?! И утром ничего не ел! А жена-то спит… Вот чем он плох был — бесхарактерный человек, мягкий. Как тряпка!

Хотя он хотел, было развестись, но мать его отговорила. Дети у него все-таки…

А однажды он приходит и говорит: родители, мы решили вам квартиру купить! А я так обрадовался! Так надоело с ними ругаться. Ну, я-то сам не ругался, а все баб этих разнимал… А на эту квартиру мы чисто случайно вышли. Юра заплатил, кажется, 20 тысяч долларов, это было три года назад, когда доллар шесть рублей стоил… Чем мне она понравилась: когда я въезжал, я сделал всего две вещи — прибил вешалку и переместил местами люстры. И больше ничего.

А потом еще напасть приключилась. Он эту свою любовницу московскую — Олю — привел, век бы ее не видеть. Хотя Олю эту мы встретили с любовью — сын все-таки привел. Хоть она мне и не понравилась сразу. Не успела зайти, сразу же — «мамулечка», "папулечка"… Ну, как это — первый раз человека увидел, и так сразу называть?! И я ее тут же осадил — ты меня «папулечкой» не называй! Зови дядей Колей. Ты меня видишь в первый раз — какой я тебе "папуля"?! Я так думаю — для нее сказать «мамуль» — «папуль» — это так… Как два пальца, прости Господи…

Нет, между нами войны не было. Я ему вот только анекдот рассказала: "Миша Горбачев приехал к маме. а она ему — сынок, дорогой, я тебя растила, я тебя учила, ты три института закончил, стал президентом, в люди вышел… И что ж ты с алкашами связался?!" А Юра сразу обиделся — я, мол, намекаю на его связь с Олей. Повернулся и сказал — да ну вас к черту!

Неужели он мог так любить?! Неужели она так его заколдовала?! И мы перестали что-то замечать и говорить — боялись, что он из-за нее к нам перестанет приходить… И он стал реже приходить, потому что я ее не приглашала. Квартиру себе сняли в центре города… Да, что он с той пережил, что он с этой пережил. У него само по себе сердце от нервов не выдержало…

И наркотики эти… Я, вот помню в прошлом году он в областной больнице лежал — промывал кровь от наркоты. Старался он вылечиться. А Оля эта его не кормила. Я прихожу к нему в палату — смотрю, батюшки! Он под капельницей лежит. Глаза как у мертвого, ноги холодные, согнулся весь… Тощий как палка, не ел несколько дней! А Оля — ему нельзя кушать. Я к доктору: "Доктор, ему можно кушать? А то я ему горяченького принесла…"

А доктор и говорит — ему все можно есть. Я его накормила… Помню, говорила ему: Юра, у тебя две дороги — пойдешь по белой, будешь жить. По черной пойдешь — не будет тебя". А он говорит: "Мам, я как раз по белой дороге и пошел… И эта… толкала его вниз… Он просто физически устал от терзаний всех этих. Он же не думал падать, он думал жить.

ГАЛИНА КЛИНСКИХ

Супруга Юрия Клинских — необычайно красивая женщина. И, несмотря на кажущуюся хрупкость, очень сильная — она просто заставила себя говорить о тех вещах, о которых предпочла бы молчать… А еще у Юрия замечательные бочки. Старшая — Ирина — во время нашего разговора молча свернулась клубочком на диване. "Она очень переживает утрату отца, — говорит Галя. Да еще и в школе эти разговоры… Она совсем молчаливой стала… А младшая Лиля беззаботно возится с огромным серым котом. 'Мы еще ей ничего не объяснили. Сказали, что папа далеко уехал…

Ну что о себе рассказывать? Родилась я в городе Усмани Липецкой области. Жили мы с матерью, отца не было, мама нас с сестрами и воспитывала. Три сестры нас, как у Чехова… Школу закончила, поехала в Воронеж поступать в институт лесотехнический. Но на экзаменах провалилась — не набрала нужных баллов. Тогда пошла в училище, номер я уже не помню, от завода «Электроника» — паяла там приборчики электронные, микросхемы всякие… Потом пошла на завод работать. Замуж вышла, а теперь с детьми вот сижу…

Как я с Юрой познакомилась? Когда я в ПТУ училась, нас в колхоз на уборку свеклы послали. Там мы и познакомились с Юрой. Он там у бабушки с дедушкой жил, еще до армии. Я помню, жили мы типа в общежитии — обыкновенный деревенский дом в три комнаты. Вечером девчонки шли гулять, а я книгу читала… Не хотела гулять, вообще. Это Юра меня первым заметил, я ему понравилась. Он еще под моим окном на гитаре пел. Я его песню запомнила:

Милая, зачем к другому ты ушла?
Милая, зачем любовь ты предала?
Ведь я люблю тебя, поверь,
Но ты с другим уже теперь.
Милая, зачем любовь ты предала?
Я прошу, приди ко мне хотя б на час.
Я прошу — ведь очень горько мне сейчас.
Но неужели тот, другой.
Для тебя — любимый и родной?
Я прошу приди ко мне хотя б на час…

Не знаю, чем он мне понравился. Наверное, стало мне его жалко… Почему? Мне всегда его жалко было. Без мамы, одинокий такой, ну, не знаю…

Песни пел, познакомиться хотел, потом, конечно, совсем другим человеком оказался… Какой? Ну, не таким, каким он мне поначалу представлялся. Все тогда молодые были, он весело ухаживал. На мотоциклах приезжали, на гитарах пели весело. Я сначала думала, что он очень несерьезный разухабистый такой, шпана, одним словом. И хулиган. А потом я его поближе узнала. Он оказался очень серьезным, общительным. Добрым и простым. Мне интересно стало. А в ноябре его в армию забрали. Я его ждала, письма писала. Служил на Дальнем Востоке на границе с Китаем. На танке ездил. Не знаю, чем-то он мне в душу запал. Почему-то чувствовалось, что он не очень избалован женщинами. Он ухаживать совсем не умел. Абсолютно. Ну, так время проводили — в кино ходили, на речку на мотоцикле ездили. Он очень рискованно водил. Помню как он разбился, это уже было после нашей свадьбы: он поехал на мотоцикле «Ява», упал и разбился. Приезжает весь в крови. Мы хотели его в больницу отвезти. А он отказался — нет, ничего не надо, все само заживет, сам забинтовал руку и лег спать. Беспечным он был немножко.

Потом он вернулся, в общежитие ко мне ходил. Свадьбу обыкновенно сыграли, как все. Он в костюме строгом, я в белом платье, шампанское пили, он меня через мост на руках нес… Ну, как у всех. Сейчас уже не вспомнишь подробности. Я похороны не помню — как в тумане все… Так и эти праздники — все как будто бы во сне было.

Поженились, нормально жили… Дочь — Ирина — родилась 3 августа 1984 года. Он пришел в роддом такой смешной, такой растерянный. Я ему в окошко дочку показываю. Он аж от радости весь засветился! Я еще беременная была, а он уже любил ее, свою дочку. Он вообще-то хотел мальчика. а потом, когда узнал, что будет девочка, сказал — ну что ж, пусть будет девочка. И стал разговаривать с ней, когда она была еще у меня в животе. Он тогда еще в милиции служил. В ГАИ. Хотя милицейская служба не для него была. Не по его характеру. От него требовали каждый день определенное количество штрафов выписывать. А он не хотел. Говорил, что не может человека штрафовать просто так. Не любил к людям придираться. Три года отслужил, потом бросил. В грузчики пошел и стал параллельно музыкой заниматься. Группу свою собрал.

Я, конечно, тоже рок-музыку слушала, но не особо увлекалась. «Кино» слушала, «Алису», западные всякие группы. Я и Юру слушала, на его концерты ходила, хотя дочь еще маленькая была. Я читать любила — фантастику. А он мистикой зачитывался. Фильмы мистические смотрел. Хотя он был очень спокойным, всегда мне говорил: "Ну что ты, маленькая,

волнуешься. Сейчас все сделаем хорошо…"

Он вообще простой был, с ним легко было разговаривать. Выпивал иногда. Знаете, есть такие люди — они. когда выпьют, становятся злыми и агрессивными. Юра, он, наоборот, становился добрым таким. Выпьет и любил музыку послушать. Обыкновенный парень. "Звездной болезни" у него никогда не было. Только на гастролях пропадал много.

А однажды он с концертов вернулся и заявил, что хочет еще одного ребенка. Вот 13 января 1995 года у нас появилась Лиля. Младшая дочка. Юра тогда часто дома жил, хорошо все было. Он меня поддерживал, любил…

…Про любовницу его я узнала три года назад. Он тогда из Германии приехал и все сам рассказал. Хотя я и раньше догадывалась. Он меньше дома стал бывать… Раньше приезжал с гастролей и сразу домой. А потом стал задерживаться в Москве, все дольше и дольше, стал выпивать много… А потом приехал и все сказал. Когда я узнала об Оле, то сама сказала — давай разведемся, она молодая, она тебе ребенка родит. Он отказался. И объяснил — мне ж надо где-то в Москве жить, не буду же я у друзей жить постоянно… Сказал: "Ну, это так, временно, пройдет. Ты, Галя, меня подожди чуть — чуть…" Только так он мне и говорил… "Вы для меня семья, как я вас брошу? Я без вас не смогу жить". Ну, я ему говорила, детей-то ты не бросишь, так же видеться будете… А он отказывался…

А года два назад он колоться начал. Я когда узнала, что эта Оля его на наркоту посадила, стала уговаривать его бросить, лечиться. Он лечился, но все было бесполезно… Да и как бросишь, если подруга его уговаривает мол, давай попробуем, нам полегчает, ну один разочек уколемся! Все бесполезно было… Потом он и гепатит через это дело подхватил… Я ничего больше не хочу говорить. Вот только одно помню: в день похорон я пришла домой, смотрю — а на крыше соседнего дома вращается такой шарик… Серебристый весь и лучики пускает. Ну, я пригляделась — раньше-то его не было там, и взяться ему неоткуда. Шарик повисел, повисел и пропал… Так, я думаю, Юра попрощался с нами…

АЛЕКСАНДР «УХВАТ» КОЧЕРГА, ОСНОВАТЕЛЬ ВОРОНЕЖСКОГО РОК-КЛУБА.

…Есть такое понятие — «тусовка!». Т. е. если человек в «тусовке» — значит, он на виду, занимается делом, поддерживает контакты, в общем, крутится. Так вот. Ухват — уже давно не в тусовке. И если бы мне сказали, что вот этот скромный работяга, что вышел в обеденный перерыв из проходной Воронежского авиазавода, стоял у истоков всего городского рок-движения, я бы не поверил. Рок — это перпендикуляр. Это заплыв против течения. Это презрение к серости и неистребимое желание сказать всему совку «Фак». Нонконформизм, в общем. А Саша Кочерга, похоже, уже смирился и с серостью и с совком. Но это только первое впечатление. Когда Ухват говорит о бобинах, о концертах, я понимаю — именно с такой страстью и внутренним убеждением только и можно было открыть в центре совка рок-клуб и группу "Сектор Газа".

Все началось с того, что году в 1985-м я чисто случайно попал на концерт Ленинградского рок-клуба. Ну, не совсем случайно, я тогда рок-музыкой сильно увлекался, приехал в Ленинград и случайно попал на концерт.

Выступали «Аквариум» и «Россияне», была такая группа. Ну, на концерте я с ребятами познакомился, они-то мне и сказали, что у них, в Ленинграде, есть рок-клуб, куда можно всегда приходить, тусоваться, выступать, если хочешь… И вот я тоже решил открыть в Воронеже рок-клуб — во Дворце им. Кирова. К тому же там у меня директор — молоденькая женщина- была знакомой. Правда, сначала мы хотели сделать дискотеку, а под маркой

дискотеки делать концерты, но этого не вышло. Но по городу слух уже прошел, музыканты к нам стали уже подтягиваться, нас уже, короче, знали.

А тогда в городе было всего три нормальных группы — "Старый город" (он потом еще «Крюгером» назывался). «Фаэтон», где Андрей Дельцов в свое время играл, и "Е2 — Е4". И вот, мы собрались и решили сделать первый воронежский рок-фестиваль. Я говорю директору ДК — давай сделаем рок-фестиваль. А она побаивается, по тем временам за рок-концерт с работы могли запросто выгнать. да в трудовой книжке черт знает что написать — никуда потом не устроишься… Нужно прикрытие. А у меня

был товарищ хороший — второй секретарь Левобережного райкома партии. Я к нему обратился, он нас и поддержал. Сказал: "Ты, Саш, не бойся. Лишь бы твои рокеры не хулиганили, а я милицию предупрежу, чтобы вас не разгоняли".

Ну, и директор концерт разрешила… А как же без гостей фестиваль делать? Денег-то нет… И мы решили пригласить никому (по тем временам) неизвестную группу "Коррозия металла", она во втором отделении выступала. Ну, а Юрка Клинских, который в рок-клуб часто приходил, нам помогал. Ну. он еще тогда в милиции работал и я его попросил: Юр, ты на концерт в форме приходи — для острастки. Вообще, его милицейская форма нас часто выручала. Например, приезжают артисты, нужно их встречать.

А где автобус взять? Ну, Юрка в форме выйдет, автобус какой-нибудь остановит и договориться за полтинник смотаться на вокзал и обратно.

А так мы с ним случайно познакомились. Он стоял на посту у гастронома. А у меня там одноклассник работал грузчиком. А ведь раньше-то в одни руки только по две бутылки пива давали. А я приду — он мне целый ящик вынесет. Вот, я один раз пришел, а на входе Юрка на посту стоит. Ну, мой одноклассник ему и говорит — пропусти, мол, это мой знакомый Юрка пропустил, а потом мы с ним разговорились. Он спрашивает: "Записи

какие-нибудь есть?" А у меня в то время была большая коллекция — где-то 250 — 300 бобин с записями нашей русской рок — музыки, начиная от "Машины Времени" и кончая самыми последними… Ну, что в Москве или Питере выходило, то у меня через три дня было. Мне знакомые поездами передавали, и каждую субботу у меня было по 3–4 новых бобины. Ну, короче мы с Юркой стали записями обмениваться, а потом подружились…

Вот, а как прошел первый рок-фестиваль, решили второй делать. А в промежутке пригласили с концертами «Кино», "Ва-Банк", «Крематорий»… Помню, когда я пошел в типографию делать афиши «Крематория», мне директор говорит: "Ну, ты же понимаешь, что мы не можем такое название напечатать!" Пришлось написать: выступает группа "Крем…" Ну, публика уже все знала и валом шла. Единственное, что тогда никого из музыкантов не пускали в гостиницу — администраторы, как посмотрят на джинсы и длинные волосы, наотрез отказывались прописывать. Даже Юркина форма не помогала… Так что. все жили на съемной хате на Героев Стратосферы.

И "Сектор Газа", кстати, собрался в клубе накануне второго рок-фестиваля… Это чисто рок-клубная команда, они все друг друга в рок-клубе нашли. А название "Сектор Газа", кстати, я

придумал. Дело как было: стоим с друзьями на трамвайной остановке, а я и говорю: "Ну, и вонища! Как в Секторе газа…" У нас же тут на Левом берегу предприятия химические, дышать невозможно… Ну, все заржали. А я говорю — о. хорошее название. А у меня товарищ был, он играл в какой-то группе при ДК им. Кирова. Вот он и говорил: приду с армии, так группу назову. Но я название Юрке отдал, хоть он вообще сначала называться никак не хотел. Они и выступать-то стеснялись — играли так, что даже по воронежским меркам ни в какие ворота не шло…

А ведь я сначала даже и не знал, что Юрка поет. Пришли мы как-то с Юркой к нему домой — мне нужно было свои записи забрать. Ну, сели, выпили, он поставил какие-то кассеты послушать. А он еще выпил и говорит: "Давай, я сыграю. Я тут Цоя подобрал — «Восьмиклассницу» и "Когда-то ты был битником"… Ну, он сыграл, неплохо причем. А потом как свои песни сыграл — штук 20 сыпанул, одну за другой. Ну. я и говорю — вам надо с Крюком собраться, он хороший был малый, у нас в клубе на общественных началах работал. Ну, Крюк на ударных будет, кого-нибудь еще на гитару позвать. Вот, «Колхозный панк", «Утопленника» и «Побег» сыграйте на фестивале, а там видно будет… Вот, собрались они. порепетировали, я еле уговорил их сыграть на отборочном туре фестиваля. Но они тут же всем понравились. Мы отобрали 4 песни. Сыграли на фестивале, нам Приз зрительских симпатий дали. Потом я Юрке говорю — набирай песен на альбом, мы у Дельцова в студии ДК им. 50-летия Октября — «Полтиннике» — запишемся. А Дельцов в то время уже в «Фаэтоне» не играл, стал звукооператором, талантливый малый. Ну. договорились, все записали. Нормально. А я как раз от авиазавода поехал в командировку в Москву. И взял с собой десяток кассет с записью «Сектора». А в Москве был клуб им. Курчатова, где директором работал Саша Скляр, вокалист «Ва-Банка». Вот, я ему кассеты и отдал — послушай, может и пройдет по тусовкам. И в этом же 1989 году меня и Крюка вызывают в горком комсомола. Приходим, а нам говорят, что пришла телеграмма: "Сектор Газа" просят выступить на фестивале в Череповце, посвященном годовщине смерти Александра Башлачева. Дали две недели на размышления. А я в панике. Кто поедет-то? Играть ведь толком никто не может. Ну, стали всем музыкантам звонить. Ну, Семен Тетиевский, ладно, на бас-гитаре сыграет. На гитару взяли Тупикина, хоть он на бас-гитаре играл. Я ему говорю: "Сереж, выручай! Поедем, отдохнем, едем ведь за чужой счет — все комсомол оплачивал…" Потом Дельцова уговорили, хоть он сначала и отнекивался… Сели в

плацкарт, приехали в Москву, нас там встретили… Привели на квартиру, а там уж человек двадцать сидят. Ну, короче, началась пьянка-гулянка, не помню как и до Череповца доехали. Ну, что — индустриальный такой город, металлургический, химический, грязный — грязь всех цветов радуги… Выступали мы в ДК машиностроителей, нормальный зал, получше чем у нас, в Воронеже. В гостиницу поселили. Ну, там сразу началось общение между музыкантами, обмен кассетами — тогда все с собой свои кассеты возили для обмена. Вот. Потом мы на второй день фестиваля выступили — после "новой волны" с панк-роком и перед группами хард-н-хэви. Все нас встретили нормально, приз какой-то дали, у нас даже первые поклонники появились. Выходим на улицу, у нас автографы просят.

Ну, что — вернулись домой, а потом уже пошли концерты. Как раз тогда и Кущев в группу пришел. Они на инструменты хорошие деньги собирать стали. Всей группой устроились работать грузчиками на завод «Видеофон», в то время там неплохо платили. Потом грузчиками на рынке каком-то работали… Юра себе и гитару купил, у Майка Науменко педаль для гитары приобрел… А я все время, когда концерты устраивал, «Сектор» пихал на «разогрев». Договорились с Кинчевым выступить. «Алису» сюда не пустили, поэтому в Воронеж только Кинчев с бас-гитаристом приехал, квартирный концерт дали. Мы и Кинчеву кассет с собой дали, что б он в Питер отвез. Выступали и со "Звуками Му", Пете Мамонову они очень понравились. И вот, в 1991 году пришло приглашение работать в Москву. Ну, я не смог поехать по семейным обстоятельствам — у меня двое детей. Две девочки Таня и Оля. Ну, вот и вся история.

Крюк потом умер от саркомы легкого. Он позвонил мне и сказал: "Представляешь, был у врача и они сказали, что я через 3–4 месяца умру… Я его стал утешать, говорить, что все ерунда… А он точно через 3 месяца умер. Вот такая судьба…

Потом и рок-клуб закрылся. Сначала мы нормально работали, а потом некоторые люди поняли, что на нас можно нормально заработать. Ну, вот, например, выступление «Крематория» за три дня принесло нам 12 тысяч рублей. Огромные деньги, по тому времени. Да и выступления «Сектора» приносили нормальные деньги. В общем, деньги водились, у нас и счет был свой в банке. Но мы же не на себя деньги тратили. Аппаратуру покупали, проезд артистов оплачивали, за кассеты платили, за аренду зала… Вон, барабан «Премьер» с двумя бочками стоил 3.5 тысячи рублей. Динамики купили 200-ваттные в Ленинграде. А потом начали случайные люди попадать в руководство. Меня следить за всем не хватало. Дельцов в свою студию ушел. Клинских в Москве

играл… Ну, они и начали договоры устраивать с сомнительными группами, а я плюнул на все и ушел. А клуб в конце концов разорился и закрылся.

Последний раз мы с Юркой нормально посидели году, наверное в 1995 — 1996, не помню уж точно. Тогда я его немного покритиковал за то, что альбомы штампует, как "Ласковый май". А музыка-то однотипная говорю: "Юр, твои первые два альбома перекроют все остальные твои московские записи…" Ну, он помрачнел, долго мы с ним сидели, пили… Вот, недавно, снова позвонил и пообещал приехать в гости. А свиделись мы с ним в «Луче» на его панихиде… Вот и все.

ИГОРЬ КУЩЕВ

У Куща очень голодные глаза. Такие глаза бывают у человека, вышедшего после долгого заточения на волю. "Эх, ну сейчас-то я все наверстаю, все сделаю, все успею. Ну, держитесь!" Он словно заново пришел в этот мир. Что, не ждали?… После почти десятилетнего перерыва Игорь Кущев снова приступил к: записи альбома.

Ну, в 1987 году в городе Воронеже образовался рок-клуб. Родоначальником всех этих начинаний был Ухват. То есть, Саша Ухват — так его зовут, а фамилия его Кочерга. Он как генератор идей. И название "Сектор Газа" придумал он — еще в 1985 году, а тогда Юры еще и близко не было. Ну, а мы играли в ансамбле пожарной охраны, лабали там песенки разные, которые, впрочем, к творчеству «Сектора» никакого отношения не имели… А в 1987 году все эти дела с рок-музыкой и завертелись — закрутились. В 1987 году они — Юра Хой и «Сектор» — выступили на рок — фестивале. Тогда. по тем временам, казалось, что это было очень круто… Море групп и так далее. И «Сектору» на этом фестивале дали приз зрительских симпатий. А потом все плавно перешло в запись альбомов, и меня Юра пригласил на запись. Это было в начале 1989 года. Тогда еще студии никакой не было, просто Андрей Дельцов на свой страх и риск решил просто приколоться. Как сейчас помню, за запись двух первых альбомов мы заплатили 100 рублей. Ну вот, альбом появился. Хотя у нас магнитофона хорошего не было, писали на такое дерьмо, вообще кошмар. Как тогда говорили, в одном канале верха одни звучали, в другом — «низа». И вот, после записи я прихожу во двор. На лавочке сидят пацаны. Я, говорю: "Ребят, вам группу "Сектор Газа" интересно послушать?" Они отвечают — мы такую группу не знаем и не слушаем. Так, я беру свой магнитофон, выставляю колонки на окно и врубаю "Колхозный панк". Ну. прозвучали все песни, я магнитофон выключаю. Проходит минут пять — звонок в дверь. Заходят пацанов пять с кассетами — перепиши, понравилось… Вот прошел месяц, мы забросили запись в «звучок», отдали Володьке… Слушай, я фамилию Володьки не помню, а парень сыграл большую роль в известности «Сектора» — у него киоск звукозаписи на ул. Остужева был… Денег мы не взяли, ничего не взяли. А через буквально пару месяцев альбомы разошлись и по Воронежу и по всей стране. В 1990 году мы записали следующий альбом и снова отдали его Володьке, а он отправил в Москву. И сообщил новость — альбомы "Сектора газа" по раскупаемости на первом месте. В ноябре, короче, нас забирала Москва, ну а до

этого мы здесь в Воронеже давали концерты. На стадионе «Буран» вместе с "Гражданской обороной" — это в 1989 году, как раз после выхода "Колхозного банка". И семь тысяч человек пришли на «Сектор», хотя дождь тогда шел просто сумасшедший. Но народ все равно шел, и менты отключили провода — просто испугались, что толпа разнесут все. Потом зимой 1989 года приезжала группа такая — «Дети», мы с ней выступали…

Почему мы разошлись с Хоем? Ну, это отдельная тема. Понимаешь, по мере роста популярности «Газа» Хой стал говорить, что "Сектор газа" — это его личный проект, что Хой это и есть «Газ». А музыканты — это так, на подхвате… Ну да… Что бы он без нас делал?! Кто его музыке учил, играть обучал, он же играть на гитаре никогда толком не умел?! Кто ему музыку нормальную давал слушать, а кто ему говорил — вот здесь нужно играть так, а здесь — так?! Да ты вот послушай альбомы «Газа»: самые первые "Плуги — вуги" и "Колхозный панк" — это самый настоящий панк-рок, заводной. А хули скучать? Это потом у его пошла попса — бла-бла-бла, три аккорда, прямо Антонов какой-то… А вот на той панк — волне, Хой и стал популярен. Музыку ко всем первым хитам мы сочиняли все вместе, потому что Хой ничего тогда в музыке не соображал. Да и потом за него все аранжировки Жирнов делал — потому что Хой и на пальцах толком ничего объяснить не мог, говорил — давайте сыграем «та-та-та-та». Вот его «способности»… А как «Газ" стал популярным, так Хой встал в позу и говорит, что «Газ» — это его личный проект. И у него пошел разлад с коллективом…

Вот, помню, сидим мы в Москве в гостинице — там студия звукозаписи «Луч» была. И что-то они там с басистом Семеном заспорили. Поругались конкретно. И на следующий день он Семена послал на х… и уволил его. А на его место взял этого… придурка Тупого — Тупикина. который за Хоем бегал и в рот смотрел. И я понял, что я буду следующим. Почему? Понимаешь, Хой тогда на это линию повел — что бы «Газ» действительно стал его единоличным проектом. Ну разве это группа, когда Хой с одним человеком альбомы пишет, а на концертах выступает с другими? По-моему, рок-группа это коллектив единомышленников. Это — как общий котел, где варятся идеи. Идеи! То есть люди работают не за «бабки», они душу свою вкладывают. А что сделал Хой? Он взял Жирнова, неплохого гитариста, который ему и писал альбомы. Но Жирнову все равно, что писать — он вообще в «Рондо» работает и «Газ» для него — всего лишь халтура, способ заработать деньги.

Для «Газа» он набрал коллектив обыкновенных «лабухов». Он им из Москвы присылает готовую запись, а те «снимают» свои

партии. То есть, они то ничего в музыку не вкладывают, а просто зарабатывают деньги. Вот поэтому «Газ» так быстро и выдохся. Сначала он шел на волне, которую сделали мы все вместе, а потом Хой просто шел по инерции и все…

А расстались мы с Хоем… Это была очень подлая история. У меня в Воронеже очень серьезно заболела мать. И я срочно поехал домой на несколько дней. Когда приехал, она уже была при смерти… А тут Хой мне из Москвы звонит — мол. Кущ, ты свои обязательства не выполнил, на концертах мы без тебя выступали… Я ему — ты что, блин, не понимаешь, что у меня мать умерла?! А он: ну ты. Кущ, в Москву можешь больше не приезжать… Я его и послал на х…

Что тут еще добавить?.. С Хоем я больше не разговаривал и встречаться не хотел. Мы вообще не общались до нынешнего года. Потом я организовал свою группу «Школа», поиграли немного… Но деньги нужно было зарабатывать, и я вообще ушел из музыки. Стал заниматься бизнесом, в последнее время работал в парикмахерской тут недалеко в центре…

А незадолго до смерти, за неделю где-то, Хой мне сам позвонил. Говорили мы долго, часа два, наверное. Примирились мы с ним, короче… Он мне сказал, что понял, какую фигню мы тогда сваляли, попросил прощения. Еще сказал, что он в каком-то страшном кризисе, все надоело, ничего нового он придумать не может и гонит полную лажу… И сказал, что хочет от всех своих «лабухов» избавиться и собрать «Сектор» в старом «золотом» составе. И что хочет опять играть тот панк-рок, что мы писали во времена "Колхозного панка" — дескать, на этом «Газ» вырос, эту музыку он и должен играть. Ну, короче, я согласился на вторую попытку. Договорились, что как только выйдет его новый альбом "Восставший из Ада", мы соберемся все вместе и будем думать над новым альбомом…

Он же ко мне заезжал за полчаса до смерти. А меня дома не было, я по делам отъехал. Жена его уговаривала остаться. Чаю попить — вид у него и правда был нездоровый. Жена сказала, что в гроб краше кладут. Ну. Хой посидел минут десять — пятнадцать, а потом пошел. Сказал, что попозже заедет, ближе к вечеру. Ну, я вернулся, ждал его весь вечер, а потом мне кто-то позвонил, я уж и не помню кто, и сказал, что Хой умер… Вот такая, блин, история.

P.S. В октябре 2000 года Игорь Кущев вместе с бывшей бэк-вокалисткой «СГ» Татьяной Фатеевой записал на студии "Гала — Рекордз" альбом "Радиоактивная Улыбка" — тот самый, о котором они договорились с Юрием Хоем.

СЕРГЕЙ КУЗНЕЦОВ, ДИРЕКТОР ОТДЕЛА АРТИСТОВ И РЕПЕРТУАРА КОМПАНИИ "GALA RECORDS"

Наверное, найдется немало людей, которые будут стучать себя кулаком в грудь и повторять — это, мол, я первый заметил Юру Хоя, это я, слышите, вывез его в Москву и дал ему дорогу! Пусть стучат. Вопрос ведь не в порядковых номерах.

Дело в другом: Сергей Кузнецов и компания "GALA Records" оказались ЕДИНСТВЕННЫМИ представителями шоу-бизнеса, кто от начала и до конца выполнил свои обещания, кто ни разу не «кинул», кто поддерживал Юрия Хоя и в пике популярности, и тогда, когда дела шли, мягко говоря, не самым лучшим образом. В конце концов, именно они выпустили все, от первого до последнего, альбома "Сектора Газа".

"GALA Records" — нормальная фирма. Компания со своими недостатками и удачами. Мы, как семья- мы привыкли к ним, они — к нам, притерлись друг к другу. Зачем еще чего-то искать? К тому же, у них еще много хороших идей. Это они все чего-то мудрят, чтобы добиться лучшей реализации альбомов, сидят и придумывают разные вещи…" Юра Хой

Первый раз о Юре я услышал году, наверное, в 1990-м. Кто-то дал послушать кассету с записью их первого альбома, мне все это очень понравилось — этот его народный корневой юморок плюс злобная ненависть ко всему совку. И я стал за ними наблюдать, просил многих администраторов: "Найдите мне этого парня". И вот первый раз мы с ним встретились летом 1991 года на нашей студии. Я его искал, и в один прекрасный момент он появился. Мы поговорили, обсудили все вопросы и — самое главное — мне удалось убедить Юру, что права на выпуск его старых альбомов должны перейти к "GALA Records", а все новые он будет выпускать только у нас. Кстати, последний альбом — "Восставший из ада" — был последним и по нашему контракту. Контракт был подписан на выпуск пяти новых альбомов подряд и фактически это был пятый альбом, записанный и выпущенный нами.

Помню, я тогда еле-еле уговорил его, чтобы записываться на студии «Гала». Ну, у Юры всегда такая позиция была — "А на фиг! Для «Сектора», чем хуже, тем лучше!" Качество тогда его вообще не интересовало. Но я Юру все-таки смог убедить переписать у нас несколько старых альбомов. Мы ему просто дали послушать

записанные в нашей студии фонограммы, и он признал, что его воронежские записи, мягко говоря, оставляли желать

лучшего. Наша новая студия более высокого класса, чем "Black Box", оборудование все самое сверхсовременное, мы в нее всю душу вложили, строили более двух лет. И записывались у нас все «суперзвезды» — от Пугачевой и Алсу до "Воплей Водоплясова" и «Ленинграда». Так вот, уговорили мы его переписать альбом "Колхозный панк". Результатом Юра был приятно удивлен, и сказал: "Будем записываться только на «Гале»! Это произошло в 1993 году, сразу после заключения контракта. Хотя сначала он все-таки

по-прежнему сидел у себя в Воронеже — в студии "Black Box". Говорил, что дома и стены помогают. Но альбомы "Сектор Газа", "Колхозный панк", "Наркологический университет миллионов" и "Восставший из ада" — всё это тем не менее записывалось в нашей студии. Звук мы ему помогли сделать. Наши инженеры и саунд-продюсеры выжимали всё возможное и из студийного оборудования, и из Юриного материала… Кстати, у меня была идея переписать у нас все альбомы, но, к сожалению…

Записывались они вдвоем с Игорем Жирновым, с которым сделали последние семь альбомов. Происходило это так. Юра записывал «болванки» дома на Roland D20 — для тех времен это был нормальный инструмент. А потом он еще какую-то «самоиграйку» купил с автоаккомпанементом. Чтобы, значит, не самому набивать аранжировки, а включил — и готово.

Вот, с инструментом Юра приезжал в студию, скидывал «болванки» в студийный компьютер и звонил Игорю. Приезжал Игорь и писал гитару — фактически за одну-две смены он записывал партии на весь альбом. А потом Юра пел. Тоже быстро — весь альбом за одну-две смены. И все. Потом треки сводили, делали мастеринг и альбом был готов. Вот так он работал.

В общем, не парился, и создавал впечатление талантливого лодыря. Самое главным для меня при работе с Юрой было сохранить ту творческую ткань, благодаря которой он создавал свои песни и был так горячо любим народом. Я запретил себе давить, поставил запрет на подкидывание идей. Ведь как творческий человек Юра был уникальным и самодостаточным. Он, в отличие от многих современных авторов, писал песни целиком и сразу — т. е. не стихи отдельно, музыку отдельно, а все сразу. Он как-то мне рассказал, как он песни писал — просто водяры стакан наливаешь, пьешь, ложишься спать, просыпаешься, и песня готова. Шутка. Хотя ранние его песни под влиянием этих алкогольных фантазий и написаны, поэтому они такие хулиганско-веселые и озорные.

Но, все-таки, несмотря на противоречивые оценки его творчества, ненормативную лексику и т. д. и т. п., Юра был настоящим поэтом. Личностью с большой буквы. Иначе как бы ему удавались такие хиты, как "Пора домой", «Туман», "Ночь перед Рождеством"? Весь этот вопрос с ненормативной лексикой… Иногда я ему говорил — Юр, ну давай в песнях поменьше мата. Поэтому "Наркологический университет" он написал почти без мата. Но самое интересное, что как ни странно, точнее, вовсе не странно, наоборот, закономерно — самый успешный по продажам альбом Хоя — это "Кощей Бессмертный". Там он матерится направо и налево. Но ненормативную лексику он использовал как изобразительное средство, как краску для выразительности. Мат у него был не грубостью, а дополнительным приемом для выражения своего отношения к происходящему. Иногда более хлёстким и оскорбительным, но чаще подуистичным и весёлым…

Была и другая сторона медали — из-за подобной скандальной репутации — Юру не особенно-то жаловали масс-медиа. Вообще, программные директора некоторых станций заявляли, что ставить "Сектор Газа" — это дурной тон, это непотребная музыка, пробуждающая низменные чувства и т. д. и т. п.

Но я помню, как, например, Игорь Матвиенко сказал, что стихи Юры — это истинно народная поэзия. А есть анализы экспертного совета членов Союза писателей, которые признавали, что поэзия Хоя по своему построению нечто самобытное и гениальное. Ну, вот ни одному поэту не удавалось втиснуть в стихотворный размер такие слова, как "Генеральный Секретарь ЦК КПСС Горбачев". А Юре это удалось. И таких примеров масса.

Некоторые его песенки в масс-медиа считали, как бы это помягче выразиться, грязненькими, пошленькими… Но я их оцениваю как ассоциацию с грязью жизни. Потому что это его мироощущение, ощущение жизненного болота прокоммунистического Воронежа. Города, который до сих пор остается коммунистическим по своему менталитету. И ненависть к этому из Юры просто выпирала. Просто пёрла ненависть ко всему совку.

Ненависть к этому болоту. Я условно говорю о Воронеже, потому что у Юры — корни воронежские, средней полосы России, а это, на самом деле, истинно русские корни. Российские. Поэтому воронежского Юру так хорошо чувствовали, понимали и принимали во всех уголках России. Еще ведь Бальзак говорил, что вся французская интеллигенция родилась в провинции и умерла в Париже. Все великие личности вышли из провинции. И сила Юры

была в его корнях. Если бы он не был вот таким воронежским, вот таким простым мужиком, который переработал грузчиком, гаишником, и кем только не работал, то не было бы и такой жизненной силы в его стихах. Искренней силы, которая близка всем слушателям. В общем, у него в песнях была "соль земли Русской".

Все-таки нужно отдать Юре должное — он чувствовал этот нерв, эту нить… У него был талант от Бога, но как он дальше им распорядился — это было только его дело… К сожалению.

Я помню его самый грандиозный концерт. Вообще, его гастролями мы не занимались. У нас был принцип — каждый занимается своим бизнесом. Мы представляем его записи, а он со своими администраторами занимается концертами. Впрочем, мы несколько раз Юре предлагали взять на себя организацию его гастролей, но из этого так ничего толком не получилось.

Но на многие «большие» концерты Юру приглашали именно через нас. Так. в 1994 году к нам обратились организаторы фестиваля «Rock-Summer» в Таллинне и пригласили именно "Сектор Газа». А Rock — Summer до сих пор считается одним из самых престижных европейских рок-фестивалей. Кстати, почему-то в Прибалтике «Сектор Газа» сверхпопулярная группа. Наверное, это из-за негативного отношения прибалтов ко всему прокоммунистическому, что поистине возводит «Сектор» в ранг супер-рок-группы. Ребята очень много рассказывали об этих гастролях. Они в Таллинне стали единственной группой, кого публика просто не захотела отпускать со сцены. На «бис» они спели 5–6 песен. А в это время на другой сцене уже должны были работать «M-People». Так вот, их выступление чуть было не сорвалось из-за того, что публика на час задержалась на "Секторе Газа". А вообще на фестивале просто легендарные группы выступали, но только «Сектор» да еще "Simple Minds" были отмечены феноменальным успехом…

Мне просто обидно, что в нашей истории так много трагических фактов, когда истинно талантливые люди так рано уходят из жизни… В 1997 году выходит "Наркологический университет миллионов", и после этого все как раз и началось… Это как Рок, Судьба… До этого альбома у него ничего такого с наркотиками не было.

Но про это все я только потом узнал. Перед нами-то Юра всегда старался показаться нормальным. Чистым. Эта тема никогда не звучала. Вот, кажется, только единственный раз за последние два года, когда он нам сам рассказывал, что лечился, чистил кровь и т. п. Вот то, что мы знали.

А когда я приехал в Воронеж на похороны, то узнал

совершенно другое. Оказывается, подсадила его на это дело подруга Оля — она начала первая нюхать героин в ночном клубе, куда ее Юра устроил работать официанткой. И она Юре дала попробовать… Но, если начинаешь с такого сильного наркотика, то потом обязательно скатываешься ко всякой дряни…

Конечно, до меня слухи разные доходили… Но я видел, как он очень мучился — между семьей и своей новой подругой. Со мной он как-то раз советовался. Я ему тогда сказал: "Юра, ни в коем случае не бросай семью! Зачем менять шило на мыло?! У тебя же две дочери — подумай о них!.." И я знал, что в последнее время ему было очень тяжело. Старался помочь, но тут такое дело… Он девчонок своих очень любил. Это действительно было чем-то святым в его жизни… Он просто запутался, и основной причиной этого блуждания, как оказалось, были наркотики… А за три года наркота, грубо говоря, повлияла уже на физиологическом уровне. Наркотики, они просто убивают трудоспособность, мозги сохнут от этого. Поэтому он так долго и не мог разродиться новым альбомом, а я его подталкивал к работе. Я чувствовал, что работа — это единственное средство, которое могло бы его спасти. Необходимо было дать ему шанс поверить в себя. Собраться, работать, занять свой ум… Поэтому я его постоянно подталкивал, все время подгонял — давай-давай, чтобы к июлю альбом уже был готов… Клип сделать планировали на "Серебряную пулю". Он же в Воронеж за тем и поехал, чтобы клип доснять… Были планы и насчет продолжения «Сказки». Не так давно мы с ним говорили на эту тему, и я ему сказал: "Юр, «сказка» — это вообще хорошая идея. Может быть, на основе других русских сказок — "По щучьему веленью", "Сказки о рыбаке и рыбке" — написать серию таких вот рок-опер?" Юра, кстати, задумался… И только после смерти в его черновиках я нашёл наброски новых «Сказок»… Жаль, что все так нелепо получилось.

А ты не знаешь, что ему нагадали? Не рассказывал никто? Год назад летом ему какая-то бабка нагадала, что если он не расстанется с этой женщиной — Олей, то через год умрет. И прошел ведь ровно год…

Вот такая история.

СЕРГЕЙ САВИН

О том, как найти бывшего продюссера, менеджера и директора «СГ» Сергея Савина никто из «газовской» тусовки толком не знал. Ну, был когда-то такой московский как бы МакЛарен (или Эпштейн, если угодно), вывел никому не известный «Газ» с родных черноземов на московскую сцену, и хули с того? Давно же это было… Наконец, совместными усилиями Дельцова и Тани Фатеевой координаты нового проекта Савина — фирмы "Музыкальный Дом" — были вычислены.

"Дом" располагается в подвале старого дома на Малом Харитоньевском переулке, что в двух шагах от Мясницкой улицы. Две комнаты, заклеенных плакатами персонажей поп-сцены — от всеми забытой Анне Вески до экс-модных Андрея Губина с "Чугунным Скороходом". На столе рядом с факсом мирно уживается самодельная пепельница "нескафе классик" — из тех, что украшают столы в дешевых привокзальных буфетов — плод рукоделия бабуль-посудомоек. Впрочем, хозяин кабинета Сергей Савин в этой, мягко говоря, небогатой обстановке, чувствует себя этаким "монстром шоу-биза".

Знаешь, сегодня я бы уже не смог работать с "Сектором Газа". Это я о поговорке о реке, в которую нельзя войти дважды. Я в шоу-бизнесе всю свою жизнь, у меня была масса интересных проектов, каждому из которых, как продюсер, отдаю часть жизни. «Сектору» я отдал несколько лет… Да, это было яркое и интересное время. С Юркой было интересно работать. Но все это ушло. Ушло еще задолго до его смерти. Так что во второй раз я, наверное, уже не смог так…

С Хоем я познакомился через Фиделя. Ну, того самого Фиделя, который потом ездил по стране с фальшивым «Газом» и выступал под «фанеру», тогда Фидель был у них кем-то вроде концертного администратора. Познакомил он меня с ними через Вадима Цыганова, мужа певицы Вики Цыгановой. И Вадим дал мне кассету послушать — с двумя первыми альбомами. Ну, мне понравилось. Самобытный такой коллектив. Ни рок, и не попса. Что-то посередине. Совершенно безбашенные ребята. И песни у них от души, из глубины народной мысли. Без всяких розовых соплей, лжи и фальши. Вот как говорят в народе, так они и пели. Прикольные ребята были очень. Вот я и решил с ними встретиться и поговорить на предмет сотрудничества.

Юра тогда только в Москву приехал, они сидели в гостинице и альбом писали. Первое мое впечатление о Хое: провинциальный парень, голодный, нищий, в чужих кроссовках приехал, короче,

классический образ. Мы когда встретились, он сразу сказал: "Все, п…дец! За. ла меня ваша Москва, ни денег, них… нет, жить негде». А у меня тогда две квартиры было. В одной я жил, а другая — на улице Трубной — пустая стояла. Вот ее я и отдал Хою с ребятами, что б жить было где. Стали вместе работать.

Первый наш концерт прошел на фестивале хулиганской музыки. Мы тогда вместе с Вадимом Цыгановым организовали в ДК «Меридиан» Фестиваль хулиганской музыки. Выступала там Вика Жукова — ну, сейчас она Цыганова, а тогда она пела блатняк, т. н. городской шансон, выступала группа «Эмигранты» и "Сектор Газа", естественно. Ну, слушатели первые два выступления восприняли без особого энтузиазма. А вот когда вышел «Сектор» — началось… Толпа разнесла весь ДК к чертовой матери! Нам потом директор ДК счет выставил на 15 тысяч рублей, который мы так, кстати, и не оплатили. А 15 тысяч по тем временам — до либерализации цен — были огромной суммой. Но после этого концерта о «Секторе» заговорила уже вся Москва, пошли публикации в прессе. "Московский Комсомолец" статью маленькую написал и пошла популярность…

Ведь в те времена «раскрутка» артиста строилась по совершенно другим принципам. Это сейчас, что бы тебя заметили, нужно платить безумные деньги — снимать клип, ставить его в ротацию на MTV, песню давать в ротацию на FM — радиостанции, платить за участие в престижных концертах. А тогда залогом успеха была раскупаемость кассет в киосках звукозаписи. Если альбом хорошо продавался — все, тебя знала вся страна. А покупали тогда тех, кто был на слуху.

Вот, я взял на себя всю материально — техническую часть: организацию концертов и записей. У меня было правило — я не лез ни в кадровую политику, ни в творчество Хоя. Потому что я знал: стоит мне хоть чуть-чуть попытаться повлиять на музыку «Сектора», все, это уже будет не «Сектор». Что-то уйдет. Поэтому я ни разу не сказал — мол. Юр, играй то-то и то-то. Но после того первого концерта в «Меридиане» я выставил Хою два «железных» условия. Первое — до концерта ни капли спиртного. Штраф — концертная ставка — т. е. если они выпивали, то я им за выступление ничего не платил. Второе — на сцене матом не ругаться! Ну, они мои условия кое-как, скрепя сердце, приняли. Хотя назло мне и нарушали… И матом крыли ради чистого хулиганства, и выпивали. Я вот помню, как Ушаков, когда я вошел в примерку, спрятал рюмку с водкой в карман штанов.

А рюмка там и перевернулась. Помню как они все просили: "Николаич, разреши хоть бутылку пива!" Еще помню как мы Тупикина по стадиону в Сочи ловили. Он до того допился, что

голым стал бегать по стадиону, пока мы аппаратуру готовили. Причем, заметили его не мы, а директор стадиона. Подходит к нам и говорит: "Ребята, а чего это ваш там голяком бегает?" Ну, мы Тупикина всей группой ловили. Поймали, скрутили, в душ отволокли. И он к началу концерта еле-еле протрезвел. Тупикин хорошим был музыкантом, жаль только, что спился…

Еще помню прикольный случай. Был у нас одно время такой музыкант — Володя Родионов. И вот, едем мы с гастролями по Уралу. Едем на РАФике по тайге. В дороге, естественно, квасим. И остановились где-то посреди леса отлить по малой. Ну. все вылезли, сделали свое дело, залезаем! Обратно. Спрашиваем: "Все на месте?" Говорят, что все. Едем дальше, где-то часа через полтора ребята вдруг вспомнили, что забыли Володьку. Е… твою мать! Разворачиваемся и едем назад. А вокруг — ни души, мороз минус 20 градусов, а до того места ехать километров сто! И вот едем и видим — навстречу нам бежит Володька. Спокойно так бежит, трусцой, и легкой курточке. Так что, после концерта — это меня особо не волновало — оттягивались на полную катушку. Они же творческие люди, им расслабиться нужно?

И пили по несколько дней подряд, и курили, в общем. всякое бывало… Равное, что бы ребята перед концертом были в хорошей форме. Большая проблема была с девками, которых часто в гостиницу не пускали. Ребята им и инструменты давали — мол, это технический персонал группы, и по веревкам в окна затаскивали. Хотя первое время Хой деньгами по-хозяйски распоряжался. Выпивал, конечно, но и домой отсылал, инструменты покупал. Себе синтезатор купил — Roland D20. если не ошибаюсь… Деньгами он, короче, не сорил особо, а вот потом пошли у него кутежи… Хотя с наркотой я его ни разу не видел.

Расстались мы в 1994 году. Почему? По банальной причине — Юру перестали устраивать финансовые условия. Я себе забирал 50 процентов от общей прибыли. Но я же эти деньги не только себе в карман клал. Я ж и рекламу делал, за кассеты платил, афиши печатал, с телевидением договаривался, хоть «Сектор» и под запретом был, вкладывал, короче, деньги в «раскрутку». И, если поначалу это всех устраивает, то потом наступает такой момент, когда артист уже не хочет делиться. Это проявление "звездной болезни". У артиста, добившегося популярности, сразу, становится много советчиков, которые говорят, что менеджер его обкрадывает. Подходит такой советчик: "Юрок, а сколько стоишь?" "Да вот — 2 тысячи долларов за концерт. "Да ты что — сейчас никто уже меньше, чем за три тысячи не работает!" И артист верит этим случайным знакомым — «советчикам», а мне, с которыми мы работаем вместе пять лет,

он не верит! И выставляет новую цену — 5 тысяч долларов за концерт. А есть гастрольный график, есть договоренности… Все, короче ломается. И потом, за 2 тысячи мы можем дать, допустим, 20 — 25 концертов в месяц, а за 5 тысяч — только три — четыре концерта. Как следствие — начинает снижаться популярность. А «звезде» на это просто наплевать. Понимаешь, популярность артиста можно изобразить в виде графика: сначала идет подъем, потом наступает неизбежный спад, а потом — резкое падение вниз до уровня нуля. И всегда бывает легче раскрутить артиста с «нуля», чем вернуть ему былую популярность. И умные люди начинают вкладывать деньги уже на первом этапе спада, не дожидаясь падения популярности. Они понимают, что им нужно поддерживать себя на плаву, что нужно тратить деньги на поддержание своего статуса. Посмотри на «Rolling Stones» или наших — Пугачеву или Леонтьева. Сколько лет на сцене, а они все еще популярны, а ведь за их успехом стоит ежедневная работа по поддержанию своей «звездности». А Хой, когда заболел "звездной болезнью", стало просто неуправляем. Он понял, что он всегда, при любых условиях и в любом городе соберет зал в триста человек. А ему больше и не надо. К тому же он очень негативно относился к моей работе с Анжеликой Варум. Я ее тоже тогда продюсировал. И хотя у «Сектора» с Варум совершенно разные слушатели, Хой просто ревновал меня к Варум, считал, что я деньги, заработанные на «Секторе», вкладывал в «раскрутку» Варум. Ну и что с того? Это же мои деньги!

В общем, Юра потребовал пересмотра наших финансовых взаимоотношений. А меня к тому моменту и работа с «Сектором» уже тоже не устраивала. Мне не нравилось, что у Хоя нет никакого прогресса, мне не нравилась его новая музыкальная политика, что группа по сути превратилась в средство зарабатывания «бабок». Я же говорю — банальная история, которая случается с каждым продюсером и каждым артистом.

Короче, мы расстались. Но разошлись мирно, без скандалов и взаимных обид. Потом часто перезванивались, болтали за жизнь… Но яркая страница в моей жизни осталась.

АНДРЕЙ ДЕЛЬЦОВ

Я всегда — а знакомы мы с Дельцовым довольно давно — удивлялся популярности этого человека. Прямо не парень из провинциального городка, а герой — любовник из кинофильма. Коммуникабельный, общительный, с совершенно ровным характером и в то же время эгоистически самодостаточный. Работоспособный— помимо звукорежиссера, он еще и программный директор местной FM-радиостанции, продюсер телепередачи. Обожает горные лыжи — дважды в год ездит на Чегет, не мыслит жизни без своего «Фольксвагена», а по вечерам любит выпить водки. Словом, человек, которому вечно что-то надо делать. Может быть, поэтому Дельцов стоял во главе многих проектов «Газа»… И именно на него легла основная задача проводить Юру в последний путь. Так что. Дельцов не совсем звукорежиссер, а… Есть такой западный термин — "spin doctor", что на русский язык переводится как «человек, который решает проблемы». В данном случае — проблемы «Сектора Газа».

Вот что странно — своего знакомства с Юрием Хоем я не помню. Вообще не помню. И, наоборот, прекрасно помню, как я встречался с другими людьми, которые в моей жизни сыграли значительно меньшую роль, или вообще никакой роли не сыграли. А вот как мы с Юркой, человеку, которому я многим обязан, познакомились — я не помню… Странно, да? Но первое впечатление от него помню: Юра — человек не от мира сего. Он не подходил ни под ни какую тусовку. Он был невероятно силен в одних вещах, талантлив, но, с другой стороны, в других вещах он был невероятно слаб.

Но, в принципе, можно предположить, как мы познакомились… Значит, так. Сначала была группа «Фаэтон», где я играл на гитаре. И иногда пел — в основном, на халтуре, когда нужно было зарабатывать деньги. На свадьбах там. Но на свадьбах «Фаэтон», который в таких случаях «Фаэтоном» не назывался, я пел самые отвратительные песни — английские и блатные, в общем, где был нужен хриплый голос. Потом была студия "Блэк Бокс", которая образовалась после того, как «Фаэтон» распался — вокалист Игорь Князев захотел играть свою музыку, а я — свою, сейчас, правда, я и сам уже не помню, что я тогда хотел… Наверное, что-то из тяжелого рока. Короче, Князев попросил себя записать. А так как мы еще в «Фаэтоне» вернее в «Полтиннике» — ДК им. 50-летия Октября, где мы репетировали, уже практиковали запись, то по сути, это было продолжением все

того же самого музыкально — жизненного эксперимента, только на более качественном уровне. Ну, естественно, это был отвратительный уровень. Но какой-то начальный толчок был уже получен… Вот. А потом мы записывали еще какие-то воронежские рок — группы. Все потянулись, ну, в числе их и "Сектор Газа".

Это было начало 1989 года. Был рок-фестиваль. И можно предположить для официальной версии, что именно в ТЭЦ — 1 я в первый раз и увидел Юру С кем он был. что он пел, я не помню. Получил он приз зрительских симпатий. Это действительно был его приз. «Сектор» был непохож ни на что. Вспомни — все тогда тяготели в сторону калькирования каких-то московских групп. Вернее, Москва копировала с Запада. А Воронеж с Москвы. Так что, в результате у всех получалось нечто третьесортное. А тут вышел Хой, который явно не подражал никому, ни Москве, ни Петербургу, вообще никому. Причем, в песнях у него был совершенно офигительный текст. Ведь "Колхозный панк" в 1989 году звучал гораздо актуальнее, чем сегодня. И вот, можно предположить, что после фестиваля ко мне пришел Юра в студию и сказал: "Я хочу записать альбом". И вроде как я согласился. Но факт — наше знакомство состоялось уже после фестиваля и в состоянии изрядного подпития. Но подробностей я не помню…

Сама запись происходила в достаточно деловитой обстановке. Минимум пива. максимум работы. Это шло несколько дней… Возможно, два дня, возможно — пять… Не помню. Сначала мы записали весь инструментал — в те времена, когда у нас техники никакой не было, это обычно так и делалось. Но уже тогда мы впервые в Воронеже применили купленную драм-машину — барабаны, причем, очень убогие. Но тогда это было очень прикольно. Потому что такого ни у кого вообще не было. Ну, вобщем, я стал звукорежиссером, потому что все остальное делать было тяжелей и сложней. Я же человек ленивый. Да и статус звукорежиссера меня больше прельщает — потому что, если вокалист несет фигню, гитарист несет фигню — это еще ничего. А вот если звукорежиссер несет фигню — все, это уже Гондурас. Шиздец!

В самом начале у нас так заведено было: Юра делает какие-то свои вещи, я делаю какие-то свои вещи, периодически мы встречаемся и делаем совместные вещи. Потом во время одной из моих разнообразных халтур — я тогда мотался по городам и весям с группой "Ласковый май" и Андреем Разиным, но мне это быстро надоело. Короче, я дал им кассетку с записью «Сектора» — пускай мужики послушают, не одним же "Ласковым маем" жить. Им все очень понравилось. раздербанили, суки, все наушники плеера — друг у друга рвали. Вот, и все страшно

заинтересовались, а больше всех заинтересовался самый большой говнюк — их менеджер по имени Фидель. Фамилию не помню… Вот этот самый Фидель сказал — круто, офигительная музыка, я из вас «звезд» сделаю. Потом был звонок из Москвы — приезжайте, работайте. Ну мы приехали в Москву поселились в гостинице «Россия». Которая, кстати, через некоторое время сгорела. Я вот только сейчас задумался — чего это она тогда сгорела… Но тогда в той «России» было столько грязи, дерьма и тараканов, сколько в иной общаге нет. Ужасная гостиница. Ну, ладно, это неважно… Вот так и началась московская история «Сектора». А в процессе становления мне приходилось и на гитаре играть, и много чего еще. Самый первый концерт, который Фидель организовал для "Сектора Газа", был во Дворце спорта «Измайлово». В качестве звукорежиссера был Игорь Князев, а я играл на гитаре. Более того, поскольку Юра тогда был совсем «диким» — публики боялся смертельно, то я вел и конферанс. Т. е. объявлял — вот, мы такие вот чуваки, а сейчас выйдет Юра Хой, так он сам разговаривать ни фига не будет, а споет свои песни… Это времена такие были, что сейчас я просто не могу передать свои ощущения. Это все равно, что передать ощущения человека, который попал на первый концерт "Роллинг Стоунз" и сравнить это с их последним концертом в Москве, когда это было целиком и полностью коммерческое мероприятие.

Потом появился и Сергей Савин, мы сели в студии «Мир», что в гостинице «Орленок» на улице Косыгина. Тогда-то и начался, если так можно выразиться, второй этап в развитии "Сектора Газа" — в рамках шоу-бизнеса, как коммерческий проект.

Хой начал избавляться от… Ну, балласта, скажем. Хотя я не знаю. насколько это определение подходит к Игорю Кущеву. У них с Хоем были чисто творческие разногласия. Кущ хотел самореализации, он хотел, чтобы звучали не только песни Хоя, но и его собственные. При этом, мне кажется, Кущ не совсем понимал, что время самореализации и для него. и для Хоя с «Сектором» уже прошло… Наступило время работы. Но я бы не хотел лезть в их конфликт, в их творческие разногласия, что касается остальных, то они были, прежде всего, непрофессионалами… Семен Тетиевский был человеком, который просто не въезжает в шоу-бизнес. В принципе не въезжает. Тогда уже сразу было всем ясно, что когда один человек сам все выдумывает, сам все поет, играет, болеет за дело, то он и должен получать больше остальных. А другой, который лишь периодически появляется на репетициях — меньше. А Семен требовал, чтобы все получали поровну. И уже на том «пещерном» уровне существования группы всем уже было понятно, что Семен

человек «левый». И, после И серии конфликтов, он был просто Хоем попрошен на хуй. А вместо него пришел совершенно классный Тупикин. Который был и умнее, и мастеровитее Семена, и играл он — просто класс! Барабанщик Олег Крюков — Крюк — сам все понял и особо не настаивал на своем участии, да он, по большому счету, царствие ему небесное, и барабанщиком-то не был… Обидно не все то. Обидно другое — почему Юра не пошел выше? Выше — в плане творчества, «раскрутки», промоушна. А ведь мог бы — на пике своей популярности… Наверное, я думаю, потому, что ему всегда было сложно общаться с теми людьми, кто более профессионально выполняет свою работу. На ту же проблему сегодня натолкнулась и Земфира — при всей ее оригинальности, более отстойных музыкантов набрать было бы сложно. Ей-то, может, и по кайфу эти люди, но ведь играть они просто не умеют Любая дворовая знаменитость их за пояс заткнет. Был еще один балласт — тот самый человек, который «Сектор» вытащил Москву. Фидель был изначально заражен вирусом коммерции по типу "Ласкового Мая". И, когда он понял, что денег впрямую заработать с Юрой не удается, он решил «клонировать» Хоя по типу «Мая» — пустить по стране несколько «Секторов». Но был тут же послан Хоем на хуй. Он вообще Юрке сразу не понравился, потому что у Юрки было какое-то чутье на людей. А Фидель вообще гнилостный чувак.

С Фиделем случилась вообще очень знаменательная история. А дело так было. Сидим мы в студии "Гала — Рекорда". А у них там сплошные проходы, подъемы, спуски — то вверх, то вниз, лабиринты — почти как на подводной лодке. И вот. приходит человек. Хромает, еле-еле идет. Как потом выяснилось, это был корреспондент SNC — Центра Стаса Намина. На радио работал. И чисто случайно он подвернул ногу, он еле идет. ему больно. он страдает, но продолжает работать. А мы сидим с Ушаковым в предбаннике студии и курим. А этот чувак у нас спрашивает:

— А где тут "Сектор газа?

Ну, мы ему показываем — мол. направо, потом налево, там и будет "Сектор Г за". А в это время Хой пел в студии и ему дела вообще ни до кого нет. Ну, он этого страдальца назад послал — мол. "Сектор Г за" в предбаннике сидит. Ну, этот чувак проходит опять все эти коридоры и к нам, но уже с долей агрессии:

— Где здесь, блин, "Сектор газа"?

— Ну, ладно, садись… Что такое? Что хотел-то?

А он говорит:

— Да там сейчас «Сектор» будет выступать…

— Где?!

Ну, мы туг же «бычки» тушим, кричим: "Юра, кончай петь,

там сейчас «Сектор» выступать будет!" Он натурально не врубается: "Как, выступать будет? Где? Я же здесь!.." А когда он въехал, то просто взбесился. Поймали такси, поехали туда. Приезжаем. Зеленый театр. Парк Горького. Афиши висят — "Сектор Газа". На сцене — как бы «Сектор» играет. Четыре человека, сам Фидель с микрофоном поет под украденную еще в Воронеже со студии "Блэк Бокс" фонограмму. А рядом — "Ночные волки" в качестве секьюрити. Ну. у Юры. естественно, глаза кровью наливаются, он бежит на сцену… И нет бы вокалиста ебнуть в лицо… А он взял и ударил по микрофону. Микрофон улетел и разбился. Тут сработало «секьюрити». И прежде чем эти тупорылые «быки» смогли осознать, что они бьют того самого Хоя, того человека, которого должны охранять, Юра получил несколько тяжелых увечий. Ну, и нам там всем тоже досталось… Когда его стали бить, на сцену ломанулась вся, наша тусовка, ввязались в побоище, а избитый Юра убежал… Потом нам Юра рассказал, что в полубессознательном состоянии он пробрался через какие-то пруды и огороды к станции метро, там сказал, что за ним гонятся бандиты, упросил кондуктора пустить его в вагон, еле доехал до дома, открыл дверь и рухнул без сознания… Вот. А "Ночные волки" потом даже не извинились, у них — другая эстетика, и они никогда не будут извиняться… Они даже на этом не успокоились. После драки была разборка по поводу микрофона. Юра-то исчез, а мы сели с этими «секьюрити». Нам были показаны какие-то ножи, какая-то фигня на цепи летала над головами… Это не сам Хирург был, а какие-то мелкие его «шестерки», которые там свои понты дешевые выставляли… Но все обошлось. Ничего они нам не сделали. Так, немного адреналина… Савин вмешался и даже доказал, что никаких микрофонов Юра не ломал и никто никому ничего не должен.

Но вообще было больше прикольных случаев. Самый смешной был в Латвии, в Риге, когда группу поставили перед необходимостью выступать во что бы то ни стало, даже без солиста. Вообще, это было гениально. Изначально все началось с того, что перед отъездом в Ригу мы сидели на съемной хате в Бутово и пили. Тогда еще «Сектор» был алкогольной группой, а не наркоманской. И вот, мы пили столько, чтобы у нас остались силы только вызвать машину и доехать в аэропорт. А у Юры была Оля, к которой он и поехал, оставив свою сумку с авиабилетом и паспортом. Напоследок он еще сказал — мол. мужики, возьмите сумку. Нет бы сказал: Андрей, или там Алексей, возьми сумку. А так — мужики, возьмите… Естественно, все про его сумку забыли. Ну, приезжаем мы в аэропорт, там Юра У сидит с пакетом — вот, пацаны, я хавки взял, водки… Мы переглядываемся, нам уже

водка особо и не нужна… А он спрашивает — где сумка? А нет у сумки! Ну, ладно, мы поехали, он остался. Вернулся назад в Бутово, взял сумку и на следующий день снова поехал в Шереметьево, где ему уже был т куплен билет. Но! До этого была поездка в Таллинн, куда была оформлена коллективная виза. И ему вперилось в голову, что и в Ригу тоже нужна коллективная виза. Ну его на контроле и тормознули.

Ну, на следующий день мы встречаем самолеты, а Юры нет. Звоним в Москву, трубку берет Юра. До концерта было 10 часов и мы начинаем лихорадочно соображать как спасти концерт ищем варианты… А Юре уже все по барабану, ну мы ему попытались было вправить мозги, говорим, что б брал любую «тачку», такси — от Москвы до Риги часов девять хода, успеть можно. А Юра мне так равнодушно объясняет: представь, я выхожу на улицу и торможу машину. Останавливается какая-нибудь разбитая «копейка», а я говорю: Чувак, мне тут до Риги доехать… Короче, мы понимаем, что Юра не приедет. И тут организатор концерта Леха Привалов говорит — вам, мужики, деваться некуда, все равно придется выступать. Короче, если бы мы отказались играть, он бы точно попал на все бабки, а у нас не было бы денег на обратную дорогу. В результате было принято решение играть…

Представь себе «ДДТ» без Шевчука, «Аквариум» без Гребенщикова, «Алису» без Кинчева… Так вот, это еще куда ни шло. Но «Сектор» без Хоя. Кто пел? Начнем с того, что пели все — по нотам. Вообще, люди с пюпитрами, нотными листами и гитарой перед микрофоном на рок-концерте — это красиво… Потом дымооператоры поставили вентиляторы прямо у музыкантов за спиной. И, если Вася Черных хоть догадался прикрепить все листы прищепками, то у Ушакова все листы сдуло… Ушаков вообще не умел петь, но он пел. Перед концертом он выпил 400 грамм водки, а это для него равносильно смертельной дозе. Но благодаря адреналину он от этого не умер, а начал петь. Я на всю жизнь запомнил песню «Давай-давай» в его исполнении, он спел гимн самому себе: "Ну-у-у да-а-а-вай…" Во время первого отделения он начисто утратил слух, чувство ритма и голос, но он пел. Потом у него все листы сдуло… Это вообще было шоу. Это нужно показывать в кино. когда человек с радиомикрофоном в руках ползает раком на четвереньках по сцене и ищет листы бумаги. Причем он понимает, что есть такая неизбежная штука как секвенсор, в которую загружена музыкальная программа и которая будет играть независимо от того, найдет он листы или нет… И когда он наконец нашел следующий куплет какой-то песни. эта сука — секвенсор — отключилась, и он проорал куплет в полной тиши не… Толпа

должна орать от такого шоу! Я рыдал за пультом! Я не мог на это смотреть, у меня от хохота текли слезы… После этого концерта отличился и Вася. Он сломал целки двум девушкам. которые пришли к нам и сказали, что они недавно ходили к «На-На». Ходили в ту группу, ходили к тем и другим, но никто им не сломал целки… И вот, как в последнюю инстанцию, они пришли к "Сектору Газа". Вот, почетную миссию лишения девушек их девственности взял на себя Вася. Путем ломки целок он испачкал абсолютно все белье в номере. Потом он этих баб за сорок долларов отправил на такси домой в Каунас или Юрмалу, не помню уже… А наутро ему с прибалтийской вежливостью предъявили счет… Ему администраторы засчитали и то, что в одноместном номере ночевали три человека, и перепачканное белье и многое другое… И вот. когда он увидел счет, то Вася понял, что все деньги, которые он заработал в Риге, он в буквальном смысле проебал.

Ну, потом прославился еще Якушев — ну там много было историй, связанных с бабами и алкоголем. Особенно это много случалось на гастролях, откуда ребята часто приезжали вообще без копейки денег. Все спускали…

Но это такие личные истории, я не уверен, что их нужно рассказывать широкой публике…

А потом после записи альбома "Наркологический университет миллионов" у Хоя начался творческий кризис. И, как вторичный этап — апатия. наркота эта всякая… Почему? Наверное, он изначально так и не осознал. что Москва на самом деле является полигоном для добывания «бабок», где заниматься творчеством очень сложно.

Понимаешь, когда делать нечего, можно и подсесть на что угодно, ничего не делать трудно. Он когда-то мечтал о том, чтобы ничего не делать и чтоб за это платили деньги. Он так всем и говорил, что всю жизнь мечтал об этом. А через некоторое время он понял, что безделье совсем не в кайф. И он стал мне говорить: "Андрей, вот мне нравится, что ты каждый день куда-то ездишь, на какую-то там "Европу плюс", что-то там делаешь… Я отмахивался — там, на радио, денег-то нет, фигня одна… А он — да какая разница, главное, что ехать надо, чего-то делать… А я вот вообще ни хера не делаю, нигде не работаю…

Вот ты сам вообрази — что ты раз в год выпускаешь альбом… Нужно выпускать, понимаешь? трудно вообразить, конечно… Представь себе рожающую женщину — вот ей раз в год нужно что-то или кого-то родить. А ее никто не трахает. А как зачать что-то, если нет секса? Но она знает, что только за это она получит деньги. И вот она сидит и ждет — когда ж ее, наконец

кто-нибудь поимеет… Кто-то, понимаешь, должен ее трахнуть. И этот кто-то называется музой. А она должна выносить, выкормить, процесс этот сложный, и неизвестно еще, что, в конце концов, получится…

Вот и Хой — сидел и ждал вдохновения. А его не было. А со скуки чего только делать не начнешь… Конечно, были еще и гастроли. Но у «Сектора» кроме, может быть, периода 1991 — 1993 годов, никогда не было много концертов. И никогда это не приносило ни Хою, ни «Сектору» больших доходов. Впрочем. Юру и такие доходы устраивали — на жизнь хватало и ладно… По-моему, он понял, что достиг своего «потолка», а рваться куда-то вверх ему не хотелось…

Вот и родив альбом "Наркологический университет", он так или иначе ушел к наркотикам и стал рабом этой своей наркологической музы. В буквальном смысле — я его подругу Олю имею в виду… А наркотики, они, как известно, не провоцируют творчество… Если бы он жрал тот же ЛСД, то, возможно, его бы глючило там — вампиры бы в гости приходили, мертвяки его любимые… Но героин — он сродни смерти. Т. е. человек вроде как жив. но, по сути, для общества он мертв. И, если наркоман от героина и испытывает ощущение счастья, то только потому, что когда от отсутствия героина он испытывает несчастье. Да. сначала Юра нюхал «герыч». Но, после того, как он понял, что нюхать это уже бесполезно — не забирает просто, он начал колоться внутримышечно — в задницу. Но умные наркоманы колят его в вену. Потому что для каждого предмета есть свой способ употребления. Потом он и по вене пускал… И лечился, конечно. Но я еще не встречал ни одного наркомана, кто бы на самом деле желал избавиться от своей зависимости. В больницу наркоманы обычно ложатся не для того, что бы вылечиться, а для того, чтобы сбить дозу. Когда они понимает, что 10 кубов их уже не берут, то они очищают кровь. Наркоманами становятся для того, что бы умереть… Хотя родятся-то для другого…

Помнишь, я говорил про свое первое впечатление от Юры. что он — человек не от мира сего? По-моему, в творческом плане это был очень сильный человек, талантливый, он делал то, что мало кому удавалось. Но перед жизнью, обыкновенными человеческими проблемами, в которых любой Шариков соображает, он оказался невероятно слаб… Такой вот человек.

P.S. Выпив очередной раз — а разговаривали мы под бутылку хорошей воронежской водки, Андрей задумался. Потом сказал:

Старик, ты не о том пишешь… Понимаешь, "Сектор Газа" был даже не культовой группой, это было как состояние души — у

целого поколения. Вон, спроси Женю — ее одноклассники силком заставляли слушать "Сектор Газа"!

Женя Николаева, DJ Европы Плюс":

Видишь ли, я в школе — это был 1990 год — очень любила группу "Модерн Токинг". Обожала просто Дитера Болена и Томаса Андерса! Вот, а мои одноклассники смеялись надо мной и говорили, что я слушаю полный отстой! И однажды они меня решили проучить — на перемене заперли в классе, а под дверью врубили на полную мощность магнитофон с «Сектором». И заставили меня таким образом прослушать весь альбом. И представляешь — спустя лет восемь я через Дельцрва познакомилась с самим Юркой… Я рассказала ему эту историю, он очень развеселился… Нет, ну раньше я представляла его полным дегенератом, дебилом с одной извилиной. А оказался — ничего, нормальный!

АЛЕКСЕЙ УШАКОВ

Ушаков теперь важный человек. Сразу после ухода из "Сектора Газа" в 1995 году, Алексей поставил крест на карьере музыканта и с помощью друзей принялся осваивать FM эфир. Сегодня он занимает пост технического директора "Русского Радио" в Воронеже, а сама станция занимает ведущую строчку в рейтинге местных станций. Дел у г-на технического директора много, так что отловить Ушакова мне удалось только в студии. Да и то — только потому, что радийщики готовились к банкету по случаю 4-й годовщины вещания в Воронеже.

Ну, в "Сектор Газа" я попал точно так же, как и Дельцов. Мы с ним в свое время играли в группе «Фаэтон», а после распада группы остались вдвоем. Нам осталась кое-какая аппаратура в наследство от «Фаэтона», мы там аппарат ставили на концертах, студию "Блэк Бокс" делали… И продолжали репетировать, но уже в составе другой группы. Там был и Сережа Тупикин на басу, я — на клавишах. Дельцов на гитаре играл, а Якушев — на барабанах. Ну, а солисты у нас менялись один за другим, никак что-то подходящего не было. Экспериментировали, в общем.

Вот, а когда у Хоя вышли два первых альбома, ну, совсем первый я в счет не беру — это была полная лажа, он писался в кошмарных условиях. Вот, альбомы Хою записали мы нормально — у нас к тому времени был уже более-менее приличный комплект аппаратуры — два магнитофона, секвенсоры, «Роланд» 20-й, все мидийные дела. короче. Ну, мы так нормально, по — человечески альбом "Ядрена вошь" сделали. Вот, короче, мы все написали и на следующий день сидели у Игорька Поварова, пиво пили, послушали альбом — класс, нормально получилось. А потом мы газетку выпускали — "Новости студии "Блэк Бокс", где все подробно расписали про «Сектор Газа». Ну, и вместе с кассетой ее стали распространять по российским городам. А потом проходит пара месяцев — и из разных городов пошли звонки — из Уфы там, Сыктывкара какого-нибудь. А потом прибыли гонцы из Москвы и стали разговаривать на предмет организации концерта в столице. Ну, тут еще "Ласковый Май" тусовался, и у них там был администратор — совершенно «левый» человек и изрядная сволочь. Вот, он, короче, первым заинтересовался и он организовал Хою первый концерт. Ну, состав «Газа» тогда еще тот был — Крюк, царствие ему небесное, Семен, а Семен, он вообще не басист, а так — «картошечки» вешал… Ну вот, они съездили, отработали в лучших традициях "Ласкового Мая" — под фанеру.

Играли на стадионе, там очень много народа было. Ну, и ребят там, естественно, кинули на деньги. Вот, а потом поступило предложение от Савина. Ну, Савин уже тогда опытным менеджером был и он Хою предложил серьезно поработать над составом, что бы он смог всерьез заняться гастрольной деятельностью. Вот, Хой приехал из Москвы и пришел в "Блэк Бокс" и. в свою очередь, предложил этим делом нам заняться… Ну. не совсем предложил — мы все сидели в студии и обсуждали, как Хою работать…

А у нас же при студии группа готовая была, только без солиста постоянного. К тому же у меня в клавишах все эти вещи уже «набиты» были, всем ребятам музыка знакомая… Мы, короче, оптимальный вариант и вырабатываем: предлагаем Хою готового басиста — Тупикина. готового барабанщика, а Дельцов стал сологитаристом. И мы — раз — собрались и поехали. Вот, отработали, отрепетировали все, наладили и на две недели отправились в первый гастрольный тур. Ну, все у нас получилось, а потом Дельцов как бы сменил ориентацию — из гитариста стал звукорежиссером. А потом появился московский гитарист Вова Лобанов.

Ну, что касается самого Савина… С одной стороны, мы все прекрасно понимали, никто из Воронежа так бы не сделал и ничего бы не организовал на таком уровне, потому что у нас тогда не было и намека на все эти менеджерские дела. А. с другой стороны, когда группа "Сектор Газа" собирала стадионы, когда билетов не хватало, а народ стоял и не мог войти, то музыканты получили просто смешные деньги. Ну, в принципе, для инженера это совсем не смешные деньги. А для музыканта, который собирает стадион… Вон, тогда Кот — Аникеев работал в какой-то группе «разогрева», так он больше нас получал. Вот я свою записную книжку открываю, у Хоя, кстати, такая же была. где мы записывали с кем мы работаем, когда, в каком городе. Вот, открываю я книжку, смотрю — сколько в первые годы работы было! Да там вообще кошмар, 40 концертов в месяц!

А в первый год мы очень серьезно подошли к гастролям. И к своему шоу и внешнему виду. Сами смастерили себе форму — джинсы разорванные, нашивки разные, прибамбасики, бантики… Ну, представляешь: выбегают такие люди — рваные, растрепанные, пестрящие, лохматые — сразу ажиотаж и бодрящее настроение у публики. Ну, это же — шоу! Цирк! А потом, после концерта — опять нормальные люди. Вообще, очень много энергии тратилось на эти эпатаж и прочие потуги. Был, кстати, один такой момент интересный… В общем, Вадик Глухов отдыхал на своей даче и серьезно себе ногу поранил — вены разрубил…

Ну, там вроде все срослось, а он с пластырем ходил. А мы тогда поехали выступать в Сочи. И Вадик прыгал по сцене, прыгал, и стойку какую-то задел, а у него рана разошлась — и кровь такой струйкой веселой, фонтанчиком — на первые ряды зрителей! А Вадик ни хрена не замечает. У народа шок был! Некоторые люди в обморок от вида окровавленного Вадика падали. А он всю сцену своей кровью залил! Местные газеты там вообще без ума были, писали — вот приехал "Сектор Газа", совсем безбашенные отморозки!

Ну, а в перерывах между гастрольной деятельностью мы все занимались кто чем. Ну, вот. допустим, перерыв между концертами в два дня. Что делать? Ну. мы сидели себе на базовой квартире в Москве и на клавишах набирали новые мелодии, песенки. У нас секвенсор был, и на нем можно было делать какие-то наброски. А кто это мог делать? Да те же, кто и в "Блэк Боксе" все делали — Хой, Дельцов и я. А больше это никому и не нужно было… Ну, а если что-то записать нужно было, то все просто — берешь инструмент, едешь на студию «Гала» и пишешь. Вот только нужен был хороший гитарист, который играл все и сразу. И вот, по чьей-то рекомендации пришел Жирнов. который сразу все хорошо сыграл. Раз альбом сыграл, другой альбом… Потом Юрка взял себе инструмент — ну, кое-что мы ему показали, а так он сам учился играть, и он все свои наброски набирал в секвенсор. Потом показывал Жирнову, а тот все ему наигрывал. Тогда получается, что незачем, допустим, меня с собой в Москву возить, раз Хой с Жирновым все сами делали. А Дельцов приезжал на пару дней и все им сводил. Вообще, мы все хорошо понимали, что "Сектор Газа" — это один Юра Хой. Один. А состав образовался только для одной цели — что бы заниматься гастрольной деятельностью.

А я из группы ушел после скандала в Риге. Ну, как все получилось — нам нужно было ехать в Ригу на поезде. А Юра ушел к девушке своей " Оле. а мы пили в нашей базовой квартире. Вот, он. короче приехал на вокзал, а уже перед вагоном обнаружил, что забыл загранпаспорт. Ну, мы и решили, что мы поедем этим поездом, а Хоя отправят на следующее утро. Ну, приезжаем в Ригу. Все нормально, нас встретили, спрашивают: "А где Юра?" Отвечаем, что он завтра приедет. А завтра он не приезжает. Звоним ему в Москву, а он пропал куда-то. Короче, его не нашли, где-то он там завис, непонятно где. Потом дозвонились ему, но все уже ясно — на концерт он не попадает. Ну, мы ищем варианты, а концерт срывать было никак нельзя. Мы пошли с Дельцовым на местную радиостанцию, там интервью дали, народ развеселили, потом шоу устроили на телевидении. Ну, деваться

нам некуда, мы ведь сказали, что Юра приедет и концерт будет. А как без Хоя петь-то?! Ну, мы договорились, что петь я буду. А я говорю: "Ну, мужики, я вообще-то текстов не знаю. Я-то пел — но пел подпевая. Я-то могу и забыть текст-то…" Перед концертом мы с Вадькой тексты вспоминали, он как-то давно ездил в составе липового «Сектора», давал левые концерты по Воронежской области, поэтому тексты знал, потому что там их пел. И быстро их мне написал. Ну, говорит. Я подпеваю, а ты в качестве солиста. Ну, клавиши вперед, т. е. программу я-то знаю — все хоевские шутки-прибаутки, анекдоты. Ну и начали программу — такого интеллигентного панка давить. Ну, народ, естественно, врубился на хрен, а мы прогнали, что Юру задержали советские таможенники-гады. И все орут: "Гады-таможенники!" Но, — говорим. — Юра обязательно будет ко второму отделению. Ну а ко второму отделению уже все забыли… Там новые клавиши были, и у них что-то с дисководом сломалось. В общем, перенервничал я кошмар. Ну и что получилось? Так как солиста не было, естественно нам гонорар не полностью заплатили. А заплатили в два раза меньше, чем надо было. Приехали на один концерт. Представляешь — народ срывается из Воронежа в Москву, там ночует, потом из Москвы едет в Ригу, ночует и все это — пропадает даром? За свой счет покатались. Вот. поэтому мы решили отработать, а гонорар разделить. Разделили, но нам и меньше дали. поскольку Юры Хоя с нами не было. Приезжаем обратно в Москву, а Хой и говорит: "А где деньги мои?" а я говорю: За что тебе деньги — за то, что ты два дня пропил и опоздал на все самолеты и поезда?" Ну, там и началось — а-а-а, вы воспользовались моим именем и т. д. и т. п. Вот, потом, конечно, все нормально было, но больше я с "Сектором Газа" не работал. А на мое место пришел Аникеев. Дела передал все — ну пару раз я там его заменял. Иногда, когда загранпоездки были — у него паспорта не было — меня брали, ну раза три или четыре.

Ну, Юра сюда заходил часто. Потому что ремиксы все здесь Крот делал, а Юра в студии нашей писал. Ну, и просто так заходил.

На сцену больше не тянет. Ну, все это пройденный этап. Все это интересно до поры до времени. Вот сейчас я на те пять лет смотрю двойственно… С одной стороны, исходя из своего — жалко тех лет. много было увидено и много было пережито и хорошего и плохого. А с другой стороны. Все это попало в период перестройки и, конечно, многое было упущено. То, что можно было в другом деле сделать больше. Но и я бы не увидел всей этой суеты концертной, всей этой эстрадной подноготной, не узнал многих людей, не пообщался с интересными людьми…

КУЩЕВ: *Ладно пускай ну это Гала. Неправильно. Если реанимировать Сектор Газа, нужно не прикрываться названием. А людей оставить и новое название…*

ТАТЬЯНА ФАТЕЕВА

Танин муж — отличный парень. Но очень строгий. Когда я позвонил, мне учинили настоящий допрос — кто, откуда и по какому делу? Однако» услышав магические слова "Сектор Газа" подозрительность сама собой отпала: "Ну, что ж вы сразу не сказали…" И трубку немедленно взяла Таня. Потом мы встретились. Но уже в Воронеже, куда Таня приехала репетировать новый альбом с Игорем Кущевым.

Вообще-то, я раньше пела у Куща — Игорька Кущева. А до этого я окончила музыкальное училище в Воронеже. Однажды к Кущу на нашу репетицию пришёл Хой и говорит: "У тебя девчонка в группе — может сможет спеть со мной «Лавочку»? А то я уже многих «подруг» спрашивал — одна поет не так, другая от текста краснеет". А в «Лавочке» поцелуями всё начинается, а заканчивается — непосредственно интимом. Кущ на меня кивает — у неё спроси. Тут мы с Юрком и договорились. Репетировать он ни за что не хотел — сразу в «полтинник» в студию и к микрофону. Когда я текст увидела — отступать было некуда, и от обещаний своих я не отказалась бы, так что спела и не моргнула.

А потом он меня на концерты вытаскивал. Не помню точно куда, по периферияm где-то. В общем, так я и оказалась в составе «Сектора». Было конечно, очень весело. За женщину меня там не признавали: ходила у них поговорка — "Это — «тёлки», а это — Танька. А мне как раз того и надо. Девчонок после концертов я им сама выбирала, они вечно спрашивали — одобряю я их выбор или нет. Как девчонок в гостиницы протаскивали! Это было шоу! То ребята гримёрами назначат, то костюмерами, а иногда внаглую мной представляли — это. мол, и есть наша Таня Фатеева. Самым большим плейбоем был Якушев — ударник во всех отношениях. После концерта пристанет — какую, мне, Тань, сегодня иметь — вон ту, или эту? Я говорю: "Любую, или обеих сразу". А он — ну, подойди к ней, Тань, спроси, пойдет со мной или как? Я сказала один раз, чтоб сам шёл, надоело уже. Он подходит к девчонке, пристально в глаза смотрит и говорит: "Давай я тебя сделаю?!" Мы от смеха чуть не попадали. Потом, осмелев совсем, в гостинице сумку со всей силы об кровать швырнёт и с чувством скажет: "Здесь я буду жить и размножаться!!"

А ко мне после концертов — парни с цветами и комплементами и мужики солидные — замуж звать. Всё это приятно вспоминать. Юрка с концерта придёт, у него джинсы и жилетка потные насквозь. Он, усталый, снимет всё и бросит, поест, выпьет и с ног валился. Уставал он ужасно. А наутро весь

его «костюм» колом стоит, вот-вот треснет. Как он его на себя надевал, все отворачивались — на такую муку смотреть было страшно. Ещё по-4 мню, как они мне квартиру съёмную залили. Всей толпой пришли в гости, выпили, посидели. День или два, не помню уже. Ушаков ванну набрал и в ней уснул. Вдруг звонки в дверь. Смотрю в глазок — муниципалы в форме. А в коридор из ванны вода хлещет. Там Ушаков спит, а дверь изнутри закрыл. Соседей внизу залили страшно. Еле-еле дверь приоткрыла, говорю, милиция дорогая, зачем меня среди ночи разбудила? Они говорят, извините, мол, обознатушки, ошибочка вышла, отдыхайте, девушка! Повезло, не то слово! Ушла из «Сектора» по болезни. У меня красные пятна на лице появились, я чуть с ума не сошла! Врачи в один голос сказали — это аллергия, а на что — неизвестно. Косметикой замазывать — не получалось, а перед ребятами неудобно — они привыкли, что я выгляжу всегда хорошо. а тут такое! Я сказала Савину, потом Юрке, что мне надо здоровьем заниматься. Юрок среагировал спокойно: "Вылечишься — приходи обратно". И только через несколько лет, съездив в Австрию, я нашла действительно хорошего врача. Но с «Сектором» периодически виделась, на «Горбушке» три концерта с ними отработали. На запись «сказки» Юрок меня искал, а я как раз квартиру сменила, потом позвонила, а он говорит: "Где тебя носит, мне пришлось другую девушку на запись звать!" Я считаю, не нашёл тогда, не встретились, значит, не судьба. А последний раз мы с Юрой встретились после долгого перерыва. Я в бизнес ушла. Время летело незаметно. А тут иду, смотрю — афиши "Сектора Г за" висят. Сердце защемило, поняла, что не могу больше, скучаю ужасно. С лицом уже всё в порядке, слава Богу. Пришла на концерт, все обрадовались, а Юрок виду не подал: "О, Тань, привет, ты как. где была?" Как будто вчера только виделись, а не сто лет назад. Он в гости приехал, два дня и две ночи сидели, как придурки, и разговаривали обо всём. Водку пили. Ему, как я поняла, в то время уже было плохо и морально и физически. Выбор между женой и любовницей был ему не силам — Юра очень добрый, и «бросить» никого не мог на произвол судьбы, за всех чувствовал ответственность: "Как я их брошу, они без меня пропадут!" Советов я ему никогда не давала. А когда узнал, что я из-за лица ушла из группы, то наехал: "Ты дура, что ли?! Из-за такой ерунды! Ничего бы я не подумал, ты же мне как сестра!" Потом мы встречались, созванивались, я очень жалела, что все эти годы не звонила, может, я могла бы чем-нибудь помочь ему, кто знает…

Мы обсуждали, вернее, только начали обсуждать мой сольный альбом. Юрок сказал, когда из Германии приеду, может,

уже что-то обдумаю и займёмся. Вернулся, даже отдохнуть не успел, в Воронеж клип снимать поехал. А потом из Воронежа сообщение пришло… Я не поверила, думала, что это шутка или ошибка. Но, увы, нет. И вечером поехали на автобусе с ребятами из "Газовой Атаки" в родной Воронеж. А в Воронеже Кущев подошёл, обо всём поговорили, кроме музыки, слезы подступали. Через сорок дней уже Кущ сказал, что написал кое-что. Наиграл, мне понравилось, повезли его на «Гала» и нас там приняли с альбомом. Этот альбом в память о Юре и ему посвящается.

СЕРГЕЙ ТУПИКИН.

"…Вот у нас раньше клевый был басист — Серега Тупикин. Как он ушел, после него были басисты, но играть они явно не умели. А Серега — спился…"

Юрий Хой

С легендарным басистом "Сектора Газа" мы встретились на лавочке у его дома. Начало разговора было нестандартным:

— Я-темный алкаш… Алкоголик. Тебя это не смущает?

Я отрицательно покачал головой.

— Ну тогда налей выпить… А что ты вообще хочешь узнать? Налей выпить…

В грязном павильоне на троллейбусной остановке нам налили по сто I граммов в пластиковые стаканчики (б/у). В качестве закуски Тупикин попросил стакан томатного сока и кусочек хлеба. Мы выпили. Сели на лавочку и закурили.

Ну, а что ты хочешь узнать? Вообще? Ты знаешь, я ведь темный алкаш. Тебе рассказывали?.. Каким я запомнил Юрика?.. Ну, я запомнил как он менял, менял, менял музыкантов… Он искал бас-гитариста. Такого же как Сергей Тупикин. Тупикин. Понимаешь? И не мог, бля, найти никого… В смысле, без выебонов без этих… Слушай, налей выпить… Как мы познакомились? Был, короче, концерт в ДК Ленина… А я Хоя видел еще раньше… Я же раньше играл с этой, как ее… С Ольгой Зарубиной с группой "Вагон номер 26". А что? Нормальные бабки — 10–20 концертов в месяц. Вот, короче, в ДК Ленина у Хоя был концерт. И он там бегал. Бегал, бегал… У него, короче, гитариста не было, понял? А я сижу такой обдолбанный и к нему подхожу — слышь. Юрец, давай типа я сыграю. У А Юрка меня, значит, спрашивает — а ты сможешь? Ну, я отвечаю, не знаю, блин, попробую. Короче, сыграли мы, сыграли мы этот концерт. А потом Юрик мне и говорит — поехали в Череповец. В Череповец на родину Башлачева. Ну, мы и поехали. Как приехали, как выступили — ни хуя не помню. Всю дорогу бухали, в Москве бухали, там в Череповце бухали. Бухали без роздыху, бухали и еще раз бухали…

Знаешь, я ни ничего не прибрел за время работы в «Секторе»? Ни хуя1 Все что у меня есть — телевизор, магнитофон бобинный, сейчас, блин, не работает, две гитары, колонки с усилителем — все это я приобрел до «Сектора». А в «Секторе» мы пропили все до

копья. Все деньги пропивали нахуй. Вот, бля, помню был случай. Короче, отдыхали мы в какой-то гостинице. Люксовой. Уже не помню, бля, в какой… Ну, мы сели в номере Юрки, сидим, выпиваем. И я пошел в туалет. Возвращаюсь, а на моем месте уже сидит проститутка какая-то. Ну, не проститутка, а это — девки… Бляди из какой-то парикмахерской, из хуяхерской, горничные, хуй их поймешь, короче. Ну, я этой проститутке говорю: блин, ты на моем месте сидишь! А она — да пошел ты! Я и говорю — пошла отсюда, ты мне тут на хуй не нужна! А она взяла меня и ударила по лицу. Тогда я взял стакан водки и вылил ей на физиономию. Беру второй стакан… Тут Юра взорвался и мне говорит: "Ты что, блин, делаешь?? А я ему — да пошел ты! И он мне хотел в пятак врезать, но не стал… Ну, не знаю, потому что если бы Юра хотел врезать, то бы врезал… Ну, короче, я обиделся и ушел в свой номер. А наутро Юра пришел мириться и поставил мне два ящика — пива там, водки… Я ему: "Юра, блин, что ты делаешь? Это ж были проститутки, бляди, которые мне не хотели место уступать? А он отвечает — "Ну, извини, братан, пьяный был…" Юрка — он вообще моим другом был, понял? Он добрым был, душевным человеком. Просто я хочу сказать, что тогда мы допивались до полной отключки мозгов. Блин, целыми днями в жопу пьяные ходили, выступали как-то…

Запомнил я еще один случай. Меня тогда уже из «Сектора» увольняли. Ну, был, короче, концерт в Горбушке. А мне позвонил Савин и специально пригласил сыграть. Ну, короче, я приехал из Воронежа, мы концерт отыграли. А потом, значит, Савин нас всех повез на какой-то вечер. Нет. не бухать — мы там выступать должны были. Ну, там юбилей у кого-то был, день рождения или свадьба — ни хуя не помню. Нет, не свадьба, потому что на свадьбах все по-другому бывает. А там. блядь, сидят куча мужиков с фотоаппаратами и снимают. Что снимают — хер его знает. Наверное, самих себя, бля — такие крутые — самого Хоя пригласили. Ну, я вышел, короче, на сцену. Хою Савин пальчиком грозит — Юра, блядь, не обижай Сережу нашего. Ну, в общем, мы отыграли какие-то песни, все, бля, тащились. Ну, а потом нас еще что-то такое попросили сыграть… Потому что песни Юры Хоя на таких юбилеях никому на хуй не нужны. Им, блядь, нужна группа лабухов, которые могут играть разные вещи. И тогда мы — я, барабанщик Сашка Якушев и Леха Ушаков — мы сыграли блюз. Блюз. Настоящий. Зал охуел. И Савин выбежал на сцену, и меня обнял — он не мог представить, чтобы "Сектор Газа" мог играть такую сложную музыку. Не мог просто поверить. Ну, бля, поверил. Обнял. Но я-то уже не работал в «Секторе». Понимаешь? Меня, блядь, выгнали после хуй знает какого количества лет. А

потом обняли и сказали — ты гений. Я, бля, как родился музыкантом так и помру. Я играю уже 8 лет. И играю профессионально. И знаешь, вот песни «Пасха» и "Колхозный панк" — во всех альбомах звучит моя версия гитары.

Потому что никто, бля, не сможет так сыграть. И я этим горжусь… Вот. Да я и сам ушел из «Сектора». Просто ушел, потому что — семья… Семейные проблемы разнообразные. Жена, блядь, от меня ушла, дочь мою фамилию не хочет носить. Понял? Да… А сейчас я работаю в ДДТ — Доме Детского Творчества в «Полтиннике». Радистом. Зарабатываю, бля, гроши, бухаю… Тебя, бля, не смущает, что я темный алкаш? Так про меня все говорят. Ну, налей еще, на хуй…

АЛЕКСАНДР ЯКУШЕВ

А чего я могу о Хое сказать? Я ничего нового не скажу… Это были первые слова Александра Якушева. Они же — последние… И тут я вынужден объясниться. Я работал над этой книгой три месяца, из них два месяца я уговаривал бывшего барабанщика «Сектора» Александра Якушева встретиться и поговорить. Я звонил ему домой чуть ли не каждый день и повторял свой монолог насчет книги, поклонников Юры и важности именно его слов… В ответ я слышал одно и то же: "А я сейчас не могу… Занят очень. Позвони завтра в это же время. Я звонил. И опять слышал насчет завтра. И наше общение постепенно превратилось в привычный и ни к чему не обязывающий ритуал. В конце концов, мне это надоело. Мы — взрослые люди, а не мальчики с девочками младшего школьного возраста. И если Александр Якушев за два месяца не смог найти и полчаса времени, что бы вспомнить о человеке, с которым он проработал несколько лет, то это его личное дело…

ИГОРЬ ЖИРНОВ

Дома у Жирнова настоящая студия — штук пять гитар, секвенсоры, компьютеры и прочие технические повороты, в которых я ровным счетом ничего не понимаю. Здесь Игорь и живет, и работает. Но сейчас Жирнова неудержимо тянет на улицу. Только что он закончил сведение альбома малоизвестной певицы из труппы мюзикла «Метро», и после 15 часов работы, Игорю хочется простых радостей жизни, а именно — пива. Можно и водки. И мы вываливаемся на улицу, идем по Кутузовскому проспекту, и, наконец, находим искомое — столики под навесом, где разливают прохладное нежнейшее пиво.

Ну, по большому счету, я бы не сказал, что мы с Юрком были особенно близки. Он был просто хорошим знакомым, с которым мы работали вместе. Но он, можно так сказать, не относился к категории моих друзей. Хотя он одно время у меня тусовался, один раз я по его приглашению съездил и Воронеж, но последнее время мы встречались только для дела. Ну, как… Например, он звонит — приезжай. Я приезжаю. Там водки попить, или записать что-нибудь. Но друзьями все равно мы с ним не были. Это другое понятие.

По-моему, я с ним записал все альбомы, кроме двух. Да, точно — два альбома я не записывал, а так все мы с ним вдвоем сделали. Мы вдвоем — он болванку" приносил, я гитару набивал. Вот, помню, когда мы писали «Сказку» мы работали всю ночь. Сидим вдвоем на студии, больше никого нет. Я на гитаре, Юрец — на магнитофоне. Сидим — и кирнуть нельзя, а хочется! Но нельзя — работать надо. И, блин, утром все закончили, взяли две бутылки водки, поехали ко мне и так посидели — ух!

Но знаешь в чем главный прикол? Я ни разу не был на концерте "Сектора Газа". Правда, я порывался несколько раз на них посмотреть — мы с «Рондо» несколько раз пересекались с "Сектором» на гастролях, и я все хотел на их концерт посмотреть, но в первый раз меня сгубила водка, а во второй раз — не помню… В общем, что-то меня не пустило. И, короче, так я ни разу "Сектор Газа" не видел. А познакомились мы с Юрцом на студии «Гала». Я там гитаристом работал— ну, знаешь, приезжаешь, пишешь кого-нибудь, бабки получаешь и пошел. Меня туда устроила моя первая жена. Короче, тогда я в "Рондо» работал, а тогда там дела хреново шли, на подсосе сидели, капусты ни фига не было. А там — пришел, отработал, сразу бабки получил… Ну, короче, позвонили мне — Сева, директор студии, позвонил — тут группа новая из Воронежа, приезжай и

пиши. Ну, я приехал. А там тогда много народу тусовалось, но что-то они все не в кайф были. А я поиграл, выпили с ребятами, ну, и короче, записали мы с ними первый альбом — "Колхозный панк". А потом вроде как и пошло наше сотрудничество…

В творческом плане у нас был мирняк полнейший. И мне нравилось играть для Юрца — по кайфу все было. Хотя мы и спорили, он говорил — нет, блядь, это совсем попсово звучит. Нужен поп-рок. В "Секторе Газа" нужно было играть плохо — с точки зрения обычной гитарной группы. Но я знал. что Юрка так вот, по-своему, эту специфику чувствует и только по-своему делает. Я-то иногда не мог что-то нужное ему сделать — я-то играю 8 лет и игра на гитаре — уже как часть жизнедеятельности организма, не переделаешь. Конечно, у «Сектора» на самом деле никакого большого музыкального разнообразия нет и не было. Юрка слушал игру и говорил — нет, не так! А вот, блин, вот так клево! Хотя у меня никакого музыкального образования нет. Я в школе играть начал, на танцах там, в ВИА… Как все короче… Но, в принципе, лет 15 назад я учился в музыкальном училище. За что меня оттуда благополучно и выгнали — как раз перед армией. Но все равно какая-то основа осталась. Но дело-то не в образовании. Посмотри на Би-Би Кинга. Он вообще ни во что не врубается. нот ни хрена не знает и не хочет знать, но как играет!

Ну, ты знаешь, это может и крутовато звучит, но я горжусь на самом деле, что я на Юрка как-то в плане музыки повлиял. Хотя я изначально не был членом ансамбля. Да там и никто из музыкантов не был членом группы в полном смысле слова. "Сектор Газа" — это Юра Хой. Юрец. он был идеологом от начала и до конца. Но мне это по духу близко, и в «Секторе» определенный кайф я ловил. Вот, к примеру, последний альбом "Восставший из Ада". А все закрутилось с того, что у меня лежала примочка для гитары — я у людей одолжил, не помню уж зачем. Вот, а она настоящая — «металлическая». Короче, я что-то поиграл Юрке. ему это так вставило и он решил новый альбом сделать чисто металлическим. У нас никогда ничего особенно не выверялось — как Юрец вставит, так и будет. А на «Гале» Юрке давали полную творческую свободу, потому что «Гала» на «Секторе» прилично кормилась. Короче, Юрке они не могли диктовать какие-то там условия. Полная свобода. И еще в чем прикол был — всем музыкантам, всей тусовке в принципе нравился "Сектор Г за". Так что, для меня это было в кайф. Хотя меня многие там спрашивают — а вот как ты можешь что угодно там играть? К этому нужно проще относиться. Ты можешь играть все, что угодно, но в музыке должно присутствовать что-то такое, что бы тебе поверили слушатели, чтобы все было в кайф. А сейчас

все работают там. где love есть. Взять то же «Рондо». Вот, Иванов свои альбомы лирические пишет, хотя в принципе, музыку делаем ему мы вместе. Ивановым двигает нормальное чувство жажды наживы, но не только он пишется — все что-то делают. У меня до «Рондо» было два проекта — я в 1992 году играл в "Черном обелиске" и писался у Игоря Николаева, капусту зарабатывал. И вот, некоторые люди меня спрашивали — как же так, ты рокер или попсарь? А нужно проще относится к этому делу. Некоторые моменты мне нравились и у Николаева. С Толяном мы просто рубились. Кох блин, тема наркоты и в «Секторе» всплыла. Хотя, конечно, об этом и ко Юрец судить может. По любому. У меня-то взгляд со стороны. Я же видел его 200 дней из 365 в году. А когда видел, то Юрка был совершено классным чуваком. Наркотики, конечно, говно полное. И у Толяна Крупнова тоже все серьезно было поставлено… Ну. насчет Юрца я, конечно, в курсе был. но при ничего такого не было. Мы, когда энное время спустя после записи и «Наркологического университета" увиделись, то Юрец мне сразу сказал, «я подсел». Я ему: "Юрец. ты что охуел?! Это же полный пиздец, бля, все — могила.» Ну, он отшутился, но кто знает, что там у него было…

ДМИТРИЙ САМБОРСКИЙ, ХУДОЖНИК-ДИЗАЙНЕР ВСЕХ АЛЬБОМОВ "СЕКТОРА ГАЗА"

На самом деле, все как бы получилось само собой. Еще в школе я рисовал разных там ужастиков — вампиров, демонов. Но рисовал я их шариковой ручкой. В любой момент начинал работать цветом, до этого ручкой. А потом один мой приятель свел меня с Пауком из "Коррозии Металла» И свой самый первый альбом я сделал для «Коррозии». А делать дизайн «Сектора» мне предложил Сергей Кузнецов из "Gala Records". Он и познакомил меня с Юрой Хоем. Ну, мы с ним посидели, он поделился со мной своими идеями, дал послушать кое-что. Мне сразу понравилась идея «Сектора» — такая своеобразная народность. Ну, отсюда и оформление альбомов в таком же стиле должно быть, немного даже примитивистское… Сначала я по просьбе Юры разработал логотип группы, потом нарисовал обложку для альбома "Нажми на газ". После этого мне предложили большой заказ на оформление всех будущих альбомов «Сектора». Ну, как мы работали? Юра давал мысли, идеи, какие-то образы, но основные идеи были мои. Если сравнивать с тем же Пауком, то Паук был очень придирчивым, сильно навязывал свое мнение. А Юра, он был более демократичным, иногда только говорил, что некоторые детали нужно исправить.

А вот комикс "Приключения Юры Хоя в царстве Зла" — это была моя работа от начала и до конца. Главная идея, подсказанная Кузнецовым, несмотря на весь негатив темы — победа сил Добра над Злом. Юру я сделал добрым героем, который борется со злом в лице Дьявола, побеждает его и говорит — несмотря на все, просвет в жизни есть. Я комикс сделал полностью на интуиции, ведь к этому времени я уже довольно долго работал с "Сектором Газа". Просто возникло желание сделать что-то такое совсем необычное — не картинку, а какое-то повествование с сюжетом. Для Юры комикс стал приятным сюрпризом. Мы встретились на студии, я ему показал. Он так заинтересованно посмотрел, был настолько приятно удивлен…

ИГОРЬ АНИКЕЕВ, "КОТ"

...С клавишником "Сектора Газа» Игорем Аникеевым мы встретились в ресторане «Лагуна», который находится в Северном «спальном» районе Воронежа, который, в свою очередь, ничем не отличается от «спального» района Митино или Зюзино, Собственно, «Лагуна» — это даже не ресторан. а так — обыкновенная забегаловка — «стекляшка», отчаянно пытающаяся навести "аристократический имидж" на прошлое пивнушки. Одним из таких способов — живые музыканты, играющие для услады слуха посетителей. Репертуар тоже как бы "аристократический" никакого "Владимирского централа" и ему подобного «шансона»! Только вещи из Стинга, Мадонны, Бекстрит бойз… Да еще суперхит "Мадам Брошкина", который по десять раз за вечер исполняет местная ресторанная примадонна, фамилию коей я не уточнил… А подыгрывает ей сейчас на клавишах Игорь Аникеев, о славном «секторовском» прошлом которого тут мало кто догадывается… В другом месте встретиться с Котом практически невозможно: по вечерам у него работа в ресторане — с семи вечера двух ночи, утром он отсыпается, а днем сидит дома, помогает жене и возится с 10-месячной дочкой Олесей. (Имя Олеся пишется через «О» — любит подчеркивать Игорь, улыбаясь как чеширский кот.) И вот, сделав перерыв. Кот заказал себе чашку чая с лимоном и подсел за столик, где я пил пиво…

Пиво и другие алкогольные напитки я уже давно не пью. Все, отпил свое. А сейчас только чай. Прикольная вещь, кстати. А что касается ресторана, так я в ресторанах играть начинал. Вообще-то я — духовик, закончил музыкальное училище по классу гобоя. А в детстве играл на барабанах. У меня отец — профессиональный музыкант — барабанщик, он меня с малолетства за барабанную установку сажал. А потом уж я сам на клавиши переориентировался.

А первый раз я попал в кабак в 15 лет. Ну, в смысле — в качестве музыканта. Играл по разным кабакам Воронежа — в «Россиянке», помнишь, такое модное джаз-кафе было, в «Ладе», в «Славянском» на свадьбах… Потом ушел в армию, а как пришел — устроился в Воронежскую филармонии» в ансамбль "Серебряные струны". Потом, в 1987 году на полгода уехали в Абхазию — калымить по тамошним кабакам. Из Абхазии я вернулся в Москву и меня взяли работать в популярный тогда ансамбль "Лейся, песня!". Оттуда я ушел через год и стал работать с Ольгой Зарубиной. Певица такая была, помнишь? У нее, кстати, я и познакомился с Сережей Тупикиным, с которым мы потом

организовали группу "Поезд номер 26". Тупикин, кстати, тогда пил умеренно, но все равно в нем чувствовалось что-то такое… Ну, не знаю как сказать… Что-то такое, что ведет человека вниз. Ну, ладно, не о Тупикине речь. Вот, потом я работал с "Ласковым Маем".

С Шатуновым объездил пол-страны. Там же, кстати, и Дельцов работал из «Мая» я ушел в аккомпанирующий состав Володи Пресного — Преснякокова, то бишь. Вот, а потом мне все это просто достало, ну, ты представь себе — за неделю мы с Шатуновым по 18 концертов давали. Т. е. по три концерта в день. Конечно, все это дело шло под «фанеру», но и с ней устаешь! Кстати, и «Сектор» так работал — как конвейер, только живьем!!! Хотя сейчас думаешь — тогда другие времена для шоу-бизнеса были. народ на кого угодно валом шел.

Вот, и с начала 90-х я сидел себе в студии, потихонечку работал. Работал и в студии «Мир», с которой тогда московская история «Сектора» и началась. Студийная работа мне всегда больше по душе была — сидишь себе за пультом, все спокойно… И, кстати, если бы тогда меня Юрка не попросил бы, я бы ни за что не вернулся на сцену. А в 1995 году я вообще свалил из Москвы обратно в Воронеж. Не всем же в Москве жить… Я просто не люблю этот город. Вот в Питер я бы уехал. А в Москву — нет. И, кстати, когда я вернулся в Воронеж уже как музыкант концертного состава "Сектора Газа", то снова пошел работать в рестораны. В этой же «Лагуне» работал в перерывах между гастролями — нужно же чем-то заниматься, да и деньги лишние не помешают. Это вон Юрка мог целыми днями ни хрена не делать. Но, знаешь, работа в ресторанах мне никогда особенно не нравилась. Есть свой кайф и в работе на огромной сцене, есть кайф и в студийной работе, а в ресторане какой кайф? Так — деньги заработать. А вот что касается "Сектора Газа"… За Юркиным творчеством я следил с самых первых дней, когда «Газ» только появился в Москве. Услышал записи, подошел к Дельцову в студию «Мир» при гостинице «Орленок» и спросил, что это за группа такая. Попросил познакомить. Ничего оказались ребята. И хотя я в «Газ» как постоянный музыкант пришел только после ухода Ушакова, я с ними и до этого иногда играл. То за Якушева на ударных, то за пультом… А в 1995 году Юрка позвал меня в коллектив. У меня-то вообще сложная ситуация была — и Юра мне друг, и Ушаков, на место которого я шел, тоже друг… Короче, не очень приятная ситуация оказалась. Я сначала отнекивался, но потом Юра меня уговорил.

Вот, хоть кто-то и говорит, что мол, в «Газе» музыки нет, но мне нравилось Юркины вещи играть. Юрка каким-то своим

чутьем чуял, что именно нужно играть. Часто приносил какую-то кассету и говорил: вот, мол, мужики, послушайте — так сможете сыграть? Помнишь песню одну с альбома "Наркологический университет миллионов"? Он нам тогда кассету турецкую притащил и попросил музыку снять "один в один". А иногда и сам не знал, что ему нужно. Сидели, пробовали. Юрка слушает — нет, не то. Потом сам становился к клавишам, говорил: "Блядь, понаучились тут в музыкальных училищах!" Одним пальцем сыграет какой-то "собачий вальс" и говорит: "Вот, бля, как надо!". А поклонникам все нравилось. Ведь, по большому счету, Юра Хой не музыкант. И — не певец, тоже по большому счету. И, если уж брать совсем большой счет, Юра Хой и на поэта не тянет. А вот в совокупности все выходило классно! Т. е. по отдельности он — никто и ничто, а все вместе — гений! Куда ни приедем, поклонники кричат: "Мужики, вы — лучше всех! Вы — best! Равных вам нет! Кроме вас нам никого не нужно!" А почему так получалось? Наверное, потому, что Юра, как автор, никогда не терял своей самобытности, «самости». Он никогда не старался никому подражать, никогда не хотел на кого-то походить. Да, он тырил чужие мелодии, но именно, что он их даже по-своему тырил, без претензий на свой полет мысли. И, если тырил, то делал из этого пародию. Как, например, из Red Hot Chilly Peppers в «Сказке». И еще — Юрка никогда не слушал чужих советов. Нет, конечно, он мог спросить совета, выслушивал все, что ему говорили, но всегда поступал по-своему. И такое происходило, кстати, не только в области музыки. Вообще, на все заморочки, которые происходили с «Сектором» ответ нужно искать у Юрца. Только он один знает почему то или иное происходило. Потому что весь "Сектор Газа" от начала до конца был замыслом одного только Юры Хоя.

Вот, например, только один Юра мог определить, в каком стиле мы играли. Сначала было определение — панк-рок-жлоб-группа. А Юра свою музыку вообще никак не определял. Говорил, что это все — рок. Да, что рок: это однозначно, но какой? Последнее время это был тяжелый рок. Я, кстати, из-за этой тяжести и последний альбом "Восставший из ада" не могу слушать. Депрессивный он какой-то, тоску — печаль наводит. Да и с мистикой у Юрки вышел какой-то перебор. Нет, конечно, у нас и раньше полно было этих Юркиных любимчиков — мертвецов с вампирами, но раньше к этой нечисти другое отношение было. Так, по приколу, посмеяться… А впоследнем альбоме все так серьезно пошло, такой потусторонний загруз. Я вообще не думаю, что Юрка серьезно этим мистицизмом увлекался. Да, конечно, у

него была огромная коллекция видеофильмов с «ужастиками», он всего Кинга перечитал по несколько раз… Но, на мой взгляд, все это для него было как источник вдохновения для своих песен.

Мне больше нравились другие Юркины вещи — веселые, в народном духе. Ведь есть песни, которые на ту же «Мотаню» похожи — по мелодике, по духу: Вот эти песни мне нравились. Они, как мне кажется, на самого Юрку похожи — он такой же был простой, добрый, открытый…

Мне Юрки сейчас часто не хватает. Вот не проходит и дня, что бы я его не вспомнил. Знаешь, вот сижу. задумаюсь о чем-то, а перед глазами лицо Юркино встает, как будто мне чего-то сказать хочет… Да. Знаешь, после похорон ко мне его жена Галя подошла и говорит: "Игорь, мне всегда Юра говорил, что у него два корефана остались — Игорь да Вадик Глухов. И говорил, что, если меня не будет, то, что б я к вам всегда обращалась…"

Но дело не в этом. Вот, у меня 4 года назад умерла сестра. А мы были на гастролях. Так Юра, ни слова не говоря, дал мне тысячу долларов и сказал — езжай, а о гастролях не думай, сами справимся. Или другой случай был — у Оли мать умерла. Юра ее сам хоронил, сам поминки устраивал. Он вообще к Оле как к дочери относился… Он же пытался ее бросить. Однажды вызвал нас и попросил срочно перевезти его вещи домой в Воронеж. Ну, мы за одну ночь на двух машинах все перевезли в Воронеж. А Юрка через две недели сбежал обратно к Оле. Пришлось вещи обратно везти… Приехали, спрашиваем: ну, ты что? А он — мужики, ну не могу я ее вот так бросить! Короче, махнули мы рукой — блин, решайте сами. Ну, а потом выяснилось, чем эта Оля его «приворожила» — сам понимаешь, чем… Когда все эти истории с «герычем» вылезли наружу, мы стали Юрку уговаривать бросить это дело, лечь в больницу. Он сначала вроде бы послушал, но потом… Короче, он нас обманывать стал. Я-то всегда понимал по глазам — выпил он или «дозу» принял.

А так по жизни он нормальным мужиком был. Добрым, но без этого слюнявого сюсюканья. Мог быть, конечно, и злым — по настроению. Но вот агрессивным он никогда не был, это факт. И, что характерно, без этой "звездной болезни". Да он вообще к славе никогда особо не стремился. В смысле, не хотел, что бы его на улице узнавали, фанаты там приставали… Он хотел нормально жить. А на самом деле, Хой был настоящей «звездой», собирал такие стадионы, которые нашим попсовикам никогда не снилось. Вот, например, прошлой осенью мы выступали под Вильнюсом — ну, в городке, где холодильники делают. А там. короче, был какой-то праздник и они по этому случаю устроили рок-фестиваль. Я не знаю, сколько человек было — тысяч сто,

наверное. Перед нами выступали Bad Boys Blue — суперзвезды! А толпа орала — "Сектор Газа" давай!" Или когда мы выступали на Рок-саммер в Таллине. Там грандиозный фестиваль был, куча групп и все строго соблюдали регламент — играть по часу. Вот а в это время на соседней сцене настраивалась другая команда. И так по очереди без перерыва кто-то играл. Вот мы играем, а на соседней сцене готовились M-People, а нас публика задержала еще почти на час, так выступление M-People чуть вообще не сорвалось. Или взять наше последнее турне по Германии. Нам обещали, что мы поедем с сольными гастролями. А на месте оказалось, что нас опять в «солянку» запихнули — там, кроме «Газа», были Кай Метов. Ника какая-то, «Академия»… Короче, много этих попсовиков было, всех уж не упомнишь. Понимаешь, эти «звездюки», типа Метова, они там в Германии никому на фиг не нужны. Ну, они собрали «солянку», а народ все равно их прокидывает. Вот тогда они и решили позвать «Сектор Газа". Народ-то валил на нас, а бабки от концертов между всеми делились.

Но самые запоминающиеся гастроли у нас были на Дальнем Востоке. Юра заехал в Благовещенск — он в этом городе в армии служил. Заглянули и в его родную часть. Ну, там, конечно, старых офицеров уже не осталось, его казарма вообще заколоченная стоит — армию-то у нас сокращают. Вот, офицеры его по части провели, даже майоры с полковниками выправку держали — им по кайфу было, что сам Хой у них когда-то служил. Мы, короче, концерт дали, а потом зависли в этом Благовещенске на целую неделю. Там, понимаешь, то ли погода нелетная была, то ли вообще самолетов не было. Короче, ждали мы самолет целую неделю, а все это время мы привели в китайском ресторане. Там у них на крыше гостиницы был китайский ресторан, хозяин которого был преданным фанатом «Газа». Он, когда увидел живого Хоя, чуть от радости не умер и каждый день таскал нас в этот ресторан и чуть ли не насильно кормил. На халяву, разумеется. Вот, представляешь, 9 часов утра, мы с перепою просыпаемся, а хозяин нас уже в ресторан тащит — завтракать пора. И понеслось гулянье — до самого вечера. Когда мы уезжали, мне, блин, уже эти креветки с водорослями поперек горла стояли…

Еще из всех гастрольных радостей я лично запомнил «фокусы» Дельцова, когда он нас привозил на вокзал за минуту до отхода поезда. Нет, ты представь — у меня аппарат весит 20 килограммов. Плюс сумка с вещами, У Глухова — гитара и вещи. У Хоя — вещи там, аппаратура разная… А до отхода поезда несколько секунд. И вот, мы со всей этой тяжестью бежим к

вагону. У нас даже такой уговор был — прыгаем в любой вагон, кто первый запрыгнул, тот дергает стоп-кран.

Ну, и Германия, само собой, тоже запомнилась. Вот, помню, приехали мы во Франкфурт, а там нас поселили в какую-то совершенно отстойную гостиницу. Выходишь — а перед входом совершенно открыто продают «крэк» и героин, наркоманы свободно колятся, тут же и проститутки и братки местные. Полный набор, короче. Ну, мы на второй день попросили нас переселить. И нам дали тихую гостиницу в пригороде — лес, тихи, бабочки летают… Правда, Юрке Германия не понравилась — говорит, скучная страна. Не знаю, может он и прав. Ну, в том, что там народ дисциплинированный и там все занимаются своим делом, а ты им — до лампочки. Но мне Германия понравилась. Честное слово, я бы туда переехал, работал бы там… Кстати, и Юрка после последней поездки тоже стал подумывать о переезде за границу. Хотя для него больше бы подошел какой-нибудь тропический остров. Он мечтал жить на таком острове в бунгало, купаться, сочинять песни. Но, думаю, вряд ли там у него песни такие же стоящиеся получились бы. Потому что сила «Газа» была в правде жизни. Вот если бы у Юрки не было бы такого жизненного опыта, если бы он не работал грузчиком, гаишником, то и из "Сектора Газа" ничего бы и не вышло.

А после Германии должен был вообще начаться новый подъем группы. Мы задумывали записать двойной концертный альбом — у нас звук стал очень приличным, Юра задумал о возвращении в стиль панка. Ты же знаешь, что именно панк-рок принес группе популярность. Вот, и с новым панк-роковым альбомом должен был начаться новый подъем группы. Нашлись даже крутые инвесторы — как мне говорили, они в свое время в "Мумий Тролль" немалые деньги вложили, помогли им подняться. А теперь, мол, нами заинтересовались, решили спонсировать… Юрик подумывал и о возвращение в группу второго гитариста — он Игорька Кущева хотел вернуть. Вообще, много предложений было, идей, проектов… Жаль, что все так нелепо получилось… Просто нелепо.

ВАДИМ ГЛУХОВ

"Юра последнее время вообще не кололся".

Как и Жирное, Вадик Глухое после смерти Юрия Хоя с головой ушел в работу. Сейчас у него аж три проекта. Во-первых, он пишет гитарный партии для воронежского Асоциального поэта" а-ля Талъков, во-вторых, подыгрывает малоизвестной местной рок-певичке, в-третьих, готовится к записи собственного альбома гитарной музыки. Сейчас он не пьет, так что ежедневная игра стала для него чем-то вроде лекарства и медтации одновременно.

Юра был моим другом, так что ничего плохого я о нем сказать не могу, только хорошее. Он был хорошим человеком. Хотя мы с ним до "Сектора Газа» и не общались. Ну, по рок-клубу я его, конечно, знал, но это так было… "здравствуй — до свиданья", а так мы вообще не общались…

А в «Сектор» меня Юра позвал, я и пришел. Домой ко мне пришел и спросил — будешь работать? Я сказал, что буду. В 1993 году это было. А я до этого был уже известным музыкантом, в филармонии работал. Я вообще уже 15 лет профессионально играю. Вот, работал я в филармонии» а тогда у нас пошла эта система — самоокупаемости. Раньше-то мы все были на дотации. Я пришел, отработал, взял «бабки» и ушел. И меня вообще не интересовало — сколько там человек сидит в зале, слушают они или нет… Вот, а после перевода на самоокупаемость, работы стало меньше… Артистов стали больше показывать по телевизору, появилось много музыкальной информации, люди стали разбираться. И на концерт хрен знает кого они уже не шли… Вот, и ансамбли филармонические, естественно, если на жопу. Поэтому Юркино предложение поработать было для меня весьма кстати.

Ну, как мы работали… Он писался в Москве, мы сидели в Воронеже, потому что нас вывозить в Москву было дорого, за все же платить надо… Ну а нам он кассету с записью пришлет, а мы партии снимем…

Да и что там играть-то?! Если бы там партии были особо продуманные какие-то, супер — выдающиеся… Там же вся музыка, честно говоря, содранная… Понимаешь, вот я — профессиональный музыкант. Аникеев — он вообще хрен знает с какого времени играет, люди, короче, опытные. И нам ни репетиций, ни чего-то там особого не надо было… У нас в «Секторе» вообще не было ни одной репетиции. Ну, были там может раза 3–4, когда новые песни разучивали. Но особо не парились там. Снял с магнитофона, сыграл — что там делать-то

такого особо сложного?!

Я вот так скажу: в музыке "Сектора Газа" не было никакого новшества, никаких особо сложных мелодий, ничего, что могло бы заинтересовать музыканта. Однообразная музыка. Я, например, на концерте песни путал. Вот есть три песни — «Туман», "30 лет" и еще какая-то… А! "Взял вину на себя". Они же одинаковые, в копейку просто. И я часто их путал. Короче, в «Секторе» не на музыку делался упор. Дело в другом: Юра сам нес людям такую информацию, он наверное, даже сам не подозревал, как эта информация воздействует на людей. Юра, он с людьми находил общий язык. И популярность «Сектора» — это только Юра Хой, вся его заслуга. Так что, для музыкантов «Сектор» был только источником зарабатывания денег. Халтурой. И больше ничем. А нашей задачей в «Секторе» было сопровождать Юру на гастролях. Сидели в Воронеже, ждали, когда Юра нас позовет. Потом садились в машину Дельцова и вчетвером ехали. Ну, как все проходило… Нормально.

Когда вот Якушев играл, Ушаков, то гастроли веселые были. Они-то люди пьющие, а я — нет, я свою дозу уже выпил… Просто я уже очень сильно стал болеть от пьянства. Так вот, тогда и у них там истории были веселые — то Якушев куда-то упадет, то еще кто-то что-то отмочит… А у нас в этом плане приключений мало было. Ну, сам посуди, на концерт приезжают абсолютно трезвые люди. И уезжают такие же. Нех ну были. конечно, исключения из правил — Юра там "под кайфом", или мы немного курнем… А так что ездили больше на трезвую голову. Все культурно и прилично.

Запомнились наши гастроли в Израиле. В Иерусалим специально съездили, гуляли по тому пути, где Христос крест нес. Ну во всех святых местах побывали, короче, крестики себе купили, окрестились заново… Вообще, знаешь, вера для меня такое специфическое понятие. Мы вот очнулись десять тысяч лет назад и что-то там хотим знать… А до нас Земля уже была пятьсот миллиардов лет, ученые там шары какие-то каменные находят, которым по полтора миллиарда лет… Т. е. и до нас, людей, кто-то здесь копошился, вместе с динозаврами… Но я знаю, что есть что-то такое… Божественное, наверное. Потому что я сам в этом убедился. На себе. История такая была — ну; короче, Юре к бабке нужно было сходить, что-то он там такое почувствовал… И он ко мне приходит — Вадик, своди меня к бабке. А моя жена до этого тоже к бабке обращалась. Ну, ладно, говорю, поехали. Вот, а у меня дома стояли титановые кружки, ну, может, не титановые, а из кого-то особого сплава — небьющиеся чашки были. Ну вот, мы посидели у меня на кухне, чай попили и поехали. Приезжаем домой, а две кружки

взорвались! Одна — та, из которой Юрец пил, а из другой — жена. Вот, видишь, та сила, с которой они боролись, так сопротивлялась, что чашки взорвались… Это нам так бабка объяснила. Так что, что-то там есть на самом деле, но что именно, никто из нас не знает…

Хотя, это все логично. Юра ведь всегда интересовался мистицизмом, колдовством там, демонологией… Сильно он все-таки увлекался этой фигней. Может, и заигрывался… Но это такие личные вопросы. Я ему в душу никогда особо не лез…

Хотя, честно скажу; мне его стиль жизни не нравился. Не нравилось, что он спит до 4 часов дня, потом гуляет всю ночь по клубам, бухает там…

А Юрец говорил, что он всю жизнь мечтал ни х… не делать и получать за это «бабки». Но человек должен что-то делать, потому что от безделья просто «крыша» съезжает. И это приводит у внутреннему фиговому состоянию. От безделья идет вся эта фигня… Ведь мозг человека требует постоянного притока информации. Да, можно расслабиться, но это нужно делать редко. Как сказал один серьезный товарищ, мы с ним в Германии познакомились: в каждой элите общества есть время ничегонеделании, но с этим нужно уметь обращаться. А Юра своим свободным временем, которого у него до фига было, пользоваться не умел.

Вот от этого и пошла всякая фигня с наркотой. Но никогда Юра не сидел на сильных дозах. Вообще, если взять его дозы, то для любого наркомана они просто смешны. Он два года употреблял это говно и сумел не разогнаться до больших доз. Я вот знаю многих людей, которые колятся, так они за два года из людей в ходячие трупы превращаются. У меня был знакомый товарищ, который утром, что бы снять ломку, загонял в себя стакан маковой соломы! Весь! А это 12–15 «кубов». И это не упаривало его. А Юра уже от «двушки» — 2 кубиков — уже «плыл». И, чтоб там не говорили, Юра последнее время вообще не кололся. Он прошел весь курс лечения, его стащили с иглы, блокиратор поставили… Хотя, конечно, зависимость от этого говна осталась, организм он же все помнит.

А Юра умер от гепатита. Накануне смерти, он вечером зашел ко мне домой — они же квартиру снимали в соседнем доме. И по дороге он купил 4 шоколадки и все съел. А у него — гепатит. И печень он забил. А утром у него было отравление желчью — он же говорил, что кровь жжет… Ему нужно сразу было бы в больницу под капельницу, а он к товарищу поперся…

КОНСТАНТИН ЛЯХОВ

С Костей Ляховым мы встретились буквально на бегу в какой-то кафешке на окраине Москвы. Концертный директор "Сектора Газа" в те дни был ужасно занят — готовил тур памяти Юрия Хоя, а поэтому вел переговоры с группами "Монгол Шуудан" и "Бахыт Компот" и договаривался со съемочной группой РТР о съемках фильма в Воронеже… Короче, дел по горло. Вообще, как мне показалось. Ляхов — это человек действия, который не очень-то любит пустые разговоры. У него феноменальная память — он помнит точную дату любого концерта, сколько человек пришло, сколько заработали. Он способен засыпать человека цифрами, но при этом довольно скупо рассказывает о своих личных впечатлениях. «Нормально» — вот его любимое слово, если речь заходит о чем-то подобном. А потом мне вспомнилось, как музыканты «Сектора» вспоминали про "феномен Ляхова». Дело в том, что Ляхов до знакомства с Хоем был человеком, бесконечно далеким от шоу-бизнеса. И вдруг, ни с того ни с сего решил заняться организацией гастролей «Сектора». Продал собственную машину, а вырученные деньги пустил на раскрутку группы. Были, конечно, и ошибки, и недоразумение но в итоге Ляхов стал, как говорится, "self made man" — человек, который сам себя сделал. Потом, конечно, на Юрия Хоя стали выходить профессиональные «акулы» шоу-бизнеса, предлагая заняться организацией гастролей. Но Хой, который испытывал нечто вроде 'пост — Савинского" синдрома, часто отказывался (за исключением случаев, связанных с зарубежными гастролями), предпочитая иметь дело с Ляховым, который, по убеждению Юрия, звезд с неба, конечно, похватал, но был всегда был честным. И в личном плане, и в финансовом. Именно Костя убедил Хоя в том, что "Сектор Газа» в любом городе мира сможет собрать зрительный зал — не стадиона, разумеется но среднего по вместимости ДК — так что без копейки сидеть не придется. На лимузины, яхты и личные авиалайнеры гонораров, конечно, в этом случае не хватит, зато и заработок гарантированный. Что, согласитесь, немаловажно…

До "Сектора Газа" я действительно много чем занимался. Радиотехникой. в основном… Концертного опыта у меня не было, ном Сектор Газа" мне самому давно нравился, прикалывали их песни, вот, а когда удовольствие от музыки стало еще и деньги приносить — так это просто великолепно. Хотя познакомился я сначала с Андреем Дельцовым. Это было в ДК Горбунова 7 ноября 1993 года. "Сектор Газа" давали последние концерты в Москве в том году. Ну, я подошел к Андрею, мы разговорились, слово за

слово, так все и началось… Я решил «Газом» вплотную заняться, выпустили плакаты — первые вообще в истории группы! Потом концерт начали делать. Первый концерт, который я организовал, состоялся 1 декабря 1995 года. А в 1996 году мы уже где-то порядка 30 концертов по Москве дали, всю страну заколбасили — тогда после выхода альбома "Газовая Атака" вторая волна подъема интереса к «Сектору». Конечно, первое время тяжело было. Я же один работал — без посредников. Я всегда напрямую договаривался с директорами ДК, цирков, с людьми, которые нам аппарат ставили… Но в этом был и свой плюс — поскольку принимающей стороной в городах был я. За то и на деньги нас не кидали, как многих.

Первым городом, куда я сунулся была Тула. И нас так там хорошо приняли, что Тула для меня до сих пор как счастливый талисман. Там всегда нас хорошо принимали, мы потом там еще 6 раз были. Группа-то легкая на подъем была — договорились и поехали на двух-трех машинах. Но так, конечно, мы ездили в ближние города. Самое дальнее, куда на машинах ездили — это Самара, а в дальние регионы добирались на поезде или на самолете. Побывали и в Хабаровске, Новокузнецке, Петропавловске-Камчатском, Комсомольске-на-Амуре, Красноярске — в тех городах, куда раньше «Сектор» еще не приезжал. Помню, как в Красноярске трудно было пробиться. Я звоню тамошнему директору, а он мне отвечает — мы, дескать вашу группу не знаем, пришлите нам предоплату за аренду зала. Ну, мы прислали, приехали, афиши дали, что вот такая рабоче-крестьянския группа выступать будет. Приняли нас на «ура», аншлаг полный был! Даже мэр города на концерт приехал. Потом, через 9 месяцев, мы еще раз приехали и еще 1300 человек собрали. Вот, мы нынешней осенью туда снова решили съездить, но видишь как получилось — не судьба…

В Казани был интересный случай — Юра туда все время боялся ездить. Говорил, там бандитизм, убийства, людей похищают. Но я его уговорил, помню, сидели мы на кухне у Самариной, и я его долго уговаривал тур татарский устроить. Ну, Хой, в конце концов, согласился, правда, поставил условие, что бы его ОМОН охранял. А мы без охраны никогда и не выступали — все время на стадионах или в ДК были омоновцы. потому что каждое выступление "Сектора Газа" всегда сопровождалось беспорядками и вакханалией. И до гостиницы нас всегда охрана везла, а уж потом — каждый занимался своим делом.

Много неохваченных городов осталось — в Тольятти, например. «Сектор» вообще ни разу не выступал. Были случаи, когда нас вообще запрещали. Например, в Волгоград и Ульяновск

нас не пускали — по причине того, что "имидж группы не соответствует моральным устоям города". Серьезно! Ну, мы убеждали, надавливали через какие-то структуры — как было в том же Красноярске было…

А в тех городах, где мы часто бывали, ребята вели строгий учет, записывали — где выступали, когда и даже с какой песни начинали концерт что бы во второй раз не повторяться. Сначала такая тетрадка была самого Хоя, потом этим занимался Ушаков, а когда Леха ушел, то снова Хой стал записывать… Вообще, мы использовали любую возможность, чтобы как-то обновить программу. Писали на афишах — "Сектор Газа" с новыми песнями, новыми участниками, новым имиджем. Дескать, раньше на сцену выходили пять человек, а теперь — трое… Но, по правде говоря, имидж группы никакой роли не играл. Это раньше Хой выступал в драных джинсах, а потом, как повзрослел, стал в черных джинсах и рубашке выступать. Последнее время у Юрия даже пунктик такой был — в чем приехал, в том и на сцену шел. Говорил — а на фига переодеваться? И состав «Сектора» мало кого интересовал — народ-то только на Хоя приходил. А так. последний состав — с Аникеевым и Глуховым — самым лучшим был. Хороший коллектив был.

Вообще. Хой хорошим мужиком был. Нормальным. Я. как узнал о его смерти, у меня аж руки опустились… Первые два дня вообще ничего не соображал. Потом отдыхал… а сейчас вот снова вхожу в работу.

ОЛЬГА САМАРИНА

… Для одних она — последняя и, может быть, самая яркая любовь Юрия Хоя, для других — дрянь и наркоманка, которая подсадила любимого на иглу и свела его в могилу. И последних гораздо больше. Потому что Оля Самарина на самом деле дрянь. Но что-то Юра ведь нашел в ней, черт возьми, не из-за одного же траха он с ней жил столько-то лет?!

В прихожей меня встречает портрет Хоя, написанный масляными красками в стиле как бы примитивизма. Портрет стоит почему-то полу. Убогая кухня, на дверцу холодильника магнитом пришпилена фотография Хоя в вампирском прикиде и старое расписание концертов. (Москва, Сочи, Геленджик…) Мы сначала пьем кофе на кухне, потом просыпается Олина бабушка. У Оли на попечении осталась старенькая бабушка у которой отнялись ноги. Время обеденное, но бабушка очень стесняется в присутствии незнакомого человека появляться на кухне. Оля, извинившись, отправляет меня в их с Юрой комнату, а сама кормит бабушку кашей. Практически все пространство маленькой комнаты занимает огромных размеров кровать, натуральное сексодромище. Вместо подушек — плюшевые мишки и драконы. Вообще, мягкие игрушки разнообразнейших форм и расцветок валяются буквально повсюду. В углу телевизор и видеомагнитофон. В общем, не комната, а конгломерат глянцево-забугорного каталога про "сладкую жизнь" и отечественной хрущобы. Жилище настоящих раздолбаев. Собственно, такими раздолбайскими и были их отношения…

Познакомилась я с Юрой в Лужниках. Там концерт был большой, ни ступало много команд. А у подружки мама в Лужниках работала, вот нас и провела бесплатно. На концерт мы пошли втроем: я и две моих подружки из ПТУ — я тогда еще, наверное, только в училище поступила на кондитера… Ну, стоим, музыку слушаем. А тут подходит парень — девчонки, хотите познакомиться с "Сектором Газа"? А я ж тогда и не знала ничего про «Сектор», Юрка только — только в Москве появился, это 1991-й шел… Ну, мы с подружками переглянулись — а чего делать-то все равно нечего… Вобщем, познакомились. А там какие-то совершенно левые ребята оказались, как мне потом Юрка рассказал. Он их взял просто так, за компанию. Вот, а потом мы — нас трое и он с другом — пошли погулять по Москве. Ну, проводил он меня до дома, а через день была Пасха — это 6 апреля или 7 апреля, не помню уже. Вот, Юра и говорит: "В Воронеже я на Пасху всегда хожу на кладбище, к деду с бабкой. А

в Москве у меня никого нет. Давай встретимся, хотя бы в церковь сходим…Ну, мы встретились, в церковь сходили, по Арбату погуляли. А тогда он записывался в гостиница «Орленок» — там у них студия была. Мы и туда заехали. Там еще Дельцов сидел… И те парни, что тогда в Лужниках были. А у меня 13 — го апреля день рождения был. И их всех — всю группу — к себе пригласила. Ну, короче, на день рождения пришла вся левата. В смысле — те «левые» ребята. А я спрашиваю: где Юра? И мне один парень говорит — да мы в «Макдональдсе" потерялись. А помнишь — он тогда только открылся, и очереди там были в три вилюшки. И только вечером мне сказали, что он в Воронеже. Он заболел. Ну, мне его жалко стало — все бухают, а он… Вот а потом он выздоровел, снова приехал в Москву, позвонил… Начали встречаться. Разницы в возрасте я вообще не чувствовала. Но чувствовалось, что он избалован женщинами. Там у него и квартира была, и звонки какие-то… Первый месяц там девок была целая куча… А однажды прихожу к нему в гости, а там — бардак, бутылки пустые валяются… И только парень какой-то сидит, не помню уж кто. Он мне и говорит: блин, замучили совсем, вчера Савин приехал, девок притащили, всю ночь бухали, трахались, бегали куда-то… Я в шоке! Ну, я потом вечером приезжаю к Юрке. Ну, мы пошли погуляли, целый день гуляли. А к вечеру сели поужинать. Немножко выпили и у меня все вскипело — значит так. Юра! Я так не могу — когда ты баб приводишь, трахаешь их там… И ты мне больше не звони! И я повернулась и стала уходить… Вот, а он меня догнал, говорит: "Оля, я ж просто не знал, что ты такая серьезная, даже и не думал…" Вобщем, уговорил он меня остаться. Да, я знала, что он женат… Но на тот момент они почти разошлись. Она уехала к себе в Воронеж и сказала Юре: "У тебя гастрольная жизнь, ты уезжаешь, а мне такое на фиг не надо…" Вобщем, дело шло к разводу. Юра мне сказал: В жизни у меня была одна ошибка. И все — больше я таких ошибок повторять не буду… И Танюха Фатеева мне рассказывала — мы с ней общались. Я, говорит тоже знала, что у них все — конец… Они не жили вместе уже больше полугода. А родители мои спросили — что ж ты с артистом связалась?! Они ж, мол, все такие… А потом, когда мама Юрку поближе узнала, то сказала — ладно, живите…

А Юра он всем нравился. Он очень простой, отзывчивый, добрый и настолько общительный! Так он этими своими душевными качествами москвичей очень отличается… А насчет Москвы… Было время, когда я эту столицу и москвичей ср… просто ненавидела! Особенно ребят — за все эти пальцы растопыренные, за все эти понты бандюковские… А у Юрки была

простота и отзывчивость. Все знакомые его звали — Юрец. Ему бы нос задирать — «звезда», туда-сюда… А он был обычным. И, по мере того, как он жил в Москве, он видел все эти обманы, что все друг друга обманывают, Савин его внаглую обманывал. Юра копейки получал, а они покупали себе квартиры и машины… А он не любил вспыливать, разбираться… Он вообще был однолюбом. Общается — значит общается, порвал — значив порвал. Он был человеком творчества, а финансовыми делами ему некогда было заниматься. Да что там деньги… Он и своим внешним видом не особо-то хотел заниматься. Он ведь раньше постоянно ходил в джинсах, джинсах, джинсах… Я его спрашиваю — как же ты в них не паришься? А он — а чего еще одеть — то?1 А знаешь, в чем дело-то? За Юрой никто никогда не следил что он носит, как одевается. Одет и ладно. И вот мы как-то заехали на рынок в «Измайлово», а там — шелковые рубашки, штанишки легкие… И я уговорила его примерить. Он одел и говорит — как легко, мне нравится. И с тех пор летом только в них и ходил. И на концертах даже не переодевался, говорил, что «Сектор» слушают из-за песен, а не из-за внешности… Потом он стал и жилеточки носить, и джемперочки…

Так вот. А потом Юра с женой помирились, а я даже и не знала об этом. Он решил со мной порвать и вернуться к Гале, начать новую жизнь, они тогда вместе жили, Лильку зачали… Юра-то скрывал это, я узнала об этом через полтора года. Точнее, через год и 4 месяца. Я-то тогда ему говорила — Юр, ну разберись ты с нами, бабами, что ли. Нельзя же так жить! И родители тоже против… И вот, он как-то раз пропал на три месяца. Не звонил, не заходил, вестей от него не было… Т. е. он как бы дал понять, что мы разошлись, все кончено. У меня уже друг появился, мы вместе жить начали. Знаешь, как он мне говорил: "Оль, пройдет время, и тебе нужно будет замуж выходить, семью заводить… Я знала, что свою семью он все равно не оставит, но и меня вроде как не бросал… И ко мне он как бы тянется, и домой к семье его тянет. Он мне часто говорил: Ты знаешь, жена для меня как сестра. Я ее люблю, как мать моих детей, но как женщину я ее давно не воспринимаю, не чувствую… А тебя я люблю как женщину. Еще часто говорил, что мы подходим друг другу, потому что мы оба раздолбаи… Да, и я раздолбайка, и он раздолбаем был порядочным…

Ну вот, короче, прошло три месяца, а тут Юра объявляется. Ну, этот парень мне сразу как-то побоку… А мы тогда поулыбались и разошлись. Проходит год, а у Юры день рождения был. И я ему открытку поздравительную послала. А на следующий день он позвонил — вот, привет, туда-сюда. Вот я в

Москве буду дня через два, давай созвонимся. А потом и приехал. Ну, и рассказал, что ссорились они с Галей часто. Он и альбомов тогда неписал. Говорил: "Прям, опустились руки и все…" С родителями они разъехались, Юра квартиру купил для родителей. Потому что ссоры у них постоянные были. "Вот, как родители ушли, так я и понял, что меня там вообще ничего не держит, — сказал. — Когда родители были, хоть какая-то семья была… А так… Единственное — приезжал домой детей навещать."

Ну, а потом и Галя узнала, что мы вместе живем. И когда он приезжал домой, то она ему все выговаривала, что, мол, я его приворожила. А со своими родителями он меня познакомил года 4 назад. Ну, тогда все уже знали, что мы вместе живем. Но и семью Юре жалко было оставлять, говорил: "Как же мои дети без отца жить будут?! И не хочу я разводиться, чтоб скандал был, дележка имущества… И вот, получалось, что он в месяц пол тора — два раза домой ездил к детям, маме помогал. В общем, из-за меня у Юры очень много ругани было, проблем семейных…. Из-за семейных неурядиц у него и альбом не получался. Несколько раз он за него садился.

А так он, в основном, концертами занимался. Вот недавно в Германию вместе съездили, отдохнули… Хотя, какой там отдых?! Скукотища! Гулять особо негде, заниматься нечем. Мы три дня из гостиницы вообще не вылезали, все три дня бухали…

А когда концертов не было, то он книжки читал. Любил читать, аж жуть. Все триллеры покупал, да мистику всякую. Всего Стивена Кинга скупил. Читал в туалете, это у него изба-читальня была. Запрется один, на час, на два и читает. Часто мы с ним по клубам, по дискотекам ходили, вели ночной образ жизни. Спать ложились утром, вставали вечером. В каких клубах бывали? Ну, на Щелковском шоссе, сейчас он, кажется, по-другому уже называется — "Формула». В «Бункер» часто заходили. Один знакомый как-то раз приглашал нас в гей-клуб. Мы тогда поехали, но он нам не понравился — все пафосно… И потом, Юра терпеть не мог гомиков, просто на дух не выносил… Через клубы мы и на героин подсели. Юра травку любил покурить, косяки часто забивал… А как-то раз трава кончилась, просто негде было достать, вот мы и попробовали… Были в одном из клубов, нам знакомый бармен и дал. Нет, героин мы сначала не кололи, а нюхали. Потом стали колоть внутримышечно — в бедра, в ягодицы, когда так не брало… Ну, а потом по вене… Юра несколько раз пытался соскочить с иглы. делал промывание крови, все дела… Меня лечил, как-то раз привез в Воронеж — подальше от знакомых, и положил в больницу. В поселок

Тенистый. В «Тенек», как в Воронеже психушка называется. Так что, с наркотиков он слез бы обязательно, если бы не заболел…

Он когда приехал с гастролей, то заболел гепатитом С. Я, помню, еще у него спросила — что ты желтый такой, мол, печень не болит? Ну, он пошел, анализы сдал — точно, гепатит. Гепатит С, который передается через кровь. Он тогда же пошел к врачам и узнал — можно ли ему встречаться с детьми… Детей своих он любил, а вот по отношению к себе… Его от гепатита лечили, уколы делали, строгую диету прописали… А он очень любил сладкое — шоколад. Горький без орехов. И врачей он не слушал, ел этот шоколад плитками…

Мы приехали в Воронеж клип снимать. И сказку делать. До гастролей в Сочи квартиру себе сняли — на улице Дорожная. Это в Юго-западном районе. Ну, а что бы и в Москве бабушку не бросать, решили так: недельку поживем в Воронеже, а неделю — в Москве. И 2-го июля мы снова приехали Воронеж. И вечером позвонила Галя и попросила отвезти ее в Усмань, к ней тогда сестра приехала. Ну, он отвез их в Усмань, приехал и все рассказывал про клубнику. Там они клубнику собрали в общий таз. И вот, все кушают, а мне, говорит, подали на тарелочке. Первый раз, говорит, такое было… И все ему эта клубника покоя не давала. Вот, а к вечеру 3 июля мы к Владику заехали, к брату его, к Кущеву, потом просто так покатались…

Поехали домой. Так-то он свои видеозаписи особо не любил смотреть, а тут включил видик, поставил кассету с записью концерта и все посмотрел. Потом легли спать. А утром 4 числа он должен был встречаться с оператором, а вечером у нас должна была быть съемка. А до этого он еще должны с гримером встретиться — нужно было загримироваться к съемке. Ну, мы договорились встретиться часов в 12, начало первого и боялись проспать. Я глаза утром открываю, а он бегает по квартире. Я спрашиваю: Юра, что с тобой? А он: "Не пойму сам… Кровь кипятком по венам бежит. Чувствую, как она бежит и не просто бежит — обжигает вены…" Я посмотрела, а у него испарина, как при температуре. У меня мысль была "скорую» вызвать. А он говорит — мол. не надо, я сейчас аспиринчику выпью. Аспирин он вроде как кровь разжижает. Ну, выпил, сели в машину, поехали очень бледный был, еще сказал: "Блин, я как мертвец, даже гримировать не надо…" И говорит — тут у меня знакомый живет, давай к нему заедем. Это где-то на левом берегу в частных домах. Приезжаем к этому парню, заходим в дом… Юрка сразу лег на кровать. Свернулся калачиком и стал качаться из стороны в сторону "Оль, так больно! — говорит. — Все огнем жжет!" Вот все говорят, что у него печень отказала. Не знаю, если бы печень

была, то все по-другому бы было… Не знаю я, что это было. И так лежал он и качался. Ну, я его успокаивала. Потом встала за сигаретами, пошла в другую комнату. И тут грохот такой! Смотрю — а Юра с кровати упал. Я этого парня зову: "Андрей! Помоги!" Перепугалась, в общем. Ну, мы его посадили на пол, о кровать облокотили. Он так дышит тяжело, руки трясутся, глаза закатились… Мы его положили, рубашку расстегиваем. Я помню еще со школы про искусственное дыхание, ну. и стали делать Сначала рот в рот, потом стали массировать грудную клетку. Юра сознание потерял, а Андрей говорит — слушай сердце! Я слушаю и мне кажется, что оно где-то далеко-далеко, но бьется. Андрей бросился «скорую» вызывать, три раза там адрес отказывались записывать. Я в пятый раз звоню — что же делать, человеку с сердцем плохо! Что вы делаете, он же не доживет, пока ваши врачи приедут! Наконец, они адрес записали. Я выбежала встречать их на улицу — чтоб врачи не заблудились в домах… А Юра уже задыхается, лицо бордовое… И как он лежал, так и умер…

Чем я сейчас займусь? На работу буду устраиваться. Официанткой в ночной клуб. Платят прилично, да и чаевые там нормальные.

"СЕКТОР ГАЗА". Москва, ООО «АНТАО», 2001 г., 304 стр. Тираж 10 000 экз.

Октябрь 2001 г.